

14. Т.Н. Грановский и его переписка. – М., 1897. – Т. 2. – С. 384.
15. Там же. – С. 297.
16. Письма к библиографу С. И. Пономареву. – М., 1915. – С. 142.
17. См.: Русский Архив. – 1907. – № 11. – С. 438.
18. РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1305.
19. Русский Архив. – 1907. – № 11. – С. 437.
20. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. – Т. 12. – С. 541.
21. *Чаговец В.А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим Обществом Несторалетописца. – Киев, 1902. – Отд. III. – С. 61.
22. См.: *Воропаев В.* «Меня очень занимал Гоголь...» Из «Записок» В.О. Шервуда // Собеседник. Литературно-критический сборник. – М., 1987.
23. См.: *Малиновский Д. К.* О том, как надо разуть смешное в произведениях Гоголя / Публ. и примеч. И.А. Виноградова // Н.В. Гоголь и Православие. – М., 2004.

Игорь Виноградов

Неопубликованные воспоминания о Н. В. Гоголе его матери

В настоящем издании впервые печатаются две неопубликованные рукописи с воспоминаниями о Гоголе его матери, Марии Ивановны Гоголь-Яновской (рожденной Косяровской, 1791 – 31 марта 1868). Этими воспоминаниями Мария Ивановна поделилась с биографами сына в год его кончины (1852). Лишь одна из рукописей – письмо по поводу статьи П.А. Кулиша «Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя» – была частично использована Кулишом в первом томе его «Записок о жизни Н.В. Гоголя» (СПб., 1856). Второй источник – сделанные со слов Марии Ивановны записи о Гоголе в путевом дневнике С.П. Шевырева – остался невостребованным.

Мемуары М.И. Гоголь-Яновской по сей день служат самым полным документальным источником наших сведений о детстве Гоголя, о его «родовом» окружении. Первым толчком к написанию мемуаров послужила, по-видимому, одна из поездок Марии Ивановны в Москву, которые она совершила еще при жизни сына. В

1839 году ее дочери Анна и Елисавета заканчивали в Петербурге Патриотический институт благородных девиц, куда их в 1832 году устроил брат. Он же забрал их оттуда и 21 декабря 1839 года привез в Москву, остановившись в доме М.П. Погодина. В первой половине апреля 1840 года в Москву с младшей дочерью Ольгой приехала Мария Ивановна. Целью ее приезда было увидеться с сыном и забрать домой дочь Анну (Елисавета оставалась в Москве). Пробыв здесь около двух недель, М. И. Гоголь 27 апреля 1840 года, вместе с дочерьми Анной и Ольгой, отправилась обратно в Васильевку.

Второй раз Мария Ивановна приехала в Москву с дочерью Анной два года спустя – в день именин сына 9 мая 1842 года. Гоголь хлопотал в то время об издании первого тома «Мертвых душ» и собрания своих сочинений в четырех томах. 23 мая 1842 года он уехал в Петербург, чтобы отправиться затем за границу, а Мария Ивановна с дочерьми Анной и Елисаветой отбыли из Москвы на родину неделю спустя, после 30 мая. Именно в эту неделю, до отъезда семьи Аксаковых на дачу 28 мая, Сергей Тимофеевич Аксаков посоветовал М.И. Гоголю написать воспоминания о детстве ее сына. В «Истории моего знакомства с Гоголем» С.Т. Аксаков вспоминал: «Мать Гоголя с дочерьми уехала в свою Васильевку, или Яновщину, уже после нашего переезда на дачу... <...> Вера очень справедливо пишет в письме к М. Карташевской <от 29–30 мая 1842 года>, что как-то странно видеть мать Гоголя и слышать, как она говорит о нем. <...> Она, конечно, не может смотреть на него иначе, как на сына, и во всех словах о нем слышится материнское чувство... <...> Как интересны все те мелочные подробности, которые она рассказывает про детство своего Николиньки! Например: как он написал один раз какое-то сочинение [1] и поднес ей, а потом сам же тихонько утащил его и, вероятно, истребил, как она подозревает, и пр. и пр. <...> Вера прибавляет, что я советовал М<арье> И<вановне> записывать все воспоминания о детстве сына (кажется, всего было бы более надежнее записывать их самим нам)...» [2, 71–72].

Первое упоминание о мемуарных записках матери Гоголя встречается в письме от 9 октября 1842 года знакомой Гоголя Н. Н. Шереметевой, с которой Мария Ивановна познакомилась в Москве в 1842 году. Получив письмо от Марии Ивановны, Шереметева отвечала: «Очень вам благодарна за подробное описание об себе с самого детства. Надо пребывать в этой уверенности, все, что с нами случается, не без промыслу...» [3, 61].

После смерти Гоголя Академия наук поручила составление гоголевской биографии его другу, поэту и критику, профессору Московского университета Степану Петровичу Шевыреву (1806–1864). Весной 1852 года Шевырев приступил к сбору материалов для биографии Гоголя. 2 апреля 1852 года он обратился к двоюродной сестре Гоголя М.Н. Синельниковой с просьбой: «Я полагал бы написать биографию Николая Васильевича; кроме моего желания собственного, Академия возложила на меня это поручение. Вы можете мне много содействовать к совершению этого труда...» [4, 443]. Мать Гоголя, узнав о намерении Шевырева, обратилась к нему в конце апреля 1852 года с письмом из Васильевки: «...Из письма Вашего, писанного Вами к племяннице моей, Марье Николаевне Синельниковой, из которого она прислала мне копию, видно желание Ваше узнать все подробности о моем сыне – <это> Вы можете узнать от одной матери его... <...> Как бы я желала, чтобы Вы пожаловали к нам для рассмотрения моего сына писем, так как Вам поручено написать его биографию» [5, 762].

Однако первым биографом Гоголя суждено было стать не Шевыреву, а П.А. Кулишу, который, узнав от П.А. Плетнева о намерениях Шевырева, постарался его опередить [6]. В 1852 и в 1853 годах Кулиш написал о Гоголе две статьи, из которых вырос позднее его «Опыт биографии Н.В. Гоголя, со включением до сорока его писем» (СПб., 1854); спустя два года этот труд превратился в двухтомное издание под названием «Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем» (СПб., 1856).

Первая биографическая работа о Гоголе П.А. Кулиша – статья «Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя» – была опубликована в апрельском номере журнала «Отечественные Записки» за 1852 год – почти одновременно с началом работы Шевырева над биографией Гоголя. Сестра Гоголя, Анна Васильевна, в приписке к письму матери от конца апреля 1852 года сообщала Шевыреву об этой статье Кулиша: «...На днях мы прочли в "Отечественных записках" статью под заглавием "Несколько черт для биографии Н.В. Гоголя". В этой статье очень мало правды, что заставило меня немедленно написать Вам некоторые возражения на эту статью, на многие пункты: Н.В. Гоголь родился не в д<еревне> Васильевке, но в местечке Сорочинцах, где тогда жил знаменитый доктор Трохимовский. Именье отца его тогда состояло не из 80-ти, но 130-ти душ и потом из 200. Он бывал

у Трощинского как у родственника, и Трощинский не был сын простого казака, но отец имел 100 душ – стало быть, был дворянин, и брат его был сотником. О том, что он не любил иностранных языков, особенно немецкого, можно найти опровержение в его письмах из Нежина. Он не имел желаний быть актером, что также можно видеть из его писем из Петербурга за 30-й и 31-й год. Насчет его поездки за границу можно также получить некоторые сведения из его писем. После смерти отца у него было не две сестры, но четыре, из которых последней было только две недели, и двух средних он после поместил в Патриотический институт. Старшая сестра потом умерла, и ее сын Николай Трушковский теперь в Казанском университете; Вы, может быть, помните: он заезжал к Вам по совету своего дяди назад тому два года. Из его писем вообще и из устных некоторых рассказов маменьки можно составить верную биографию, особенно его юношеских лет. Хорошо, если бы Вам можно самим приехать <...> жаль если ваши занятия не позволят Вам предпринять эту поездку...» [5, 762–763]. Шевырев около 20 июня 1852 года отвечал А.В. Гоголь: «Примите мою душевную благодарность за письмо ваше и за все подробности, которые вы сообщаете о биографии Николая Васильевича, в опровержение напечатанным. Лучшим опровержением всем клеветам, постигшим его память, чистую и светлую, и всем неверностям, может быть его полная и верная биография, извлеченная из его писем. Жду с нетерпением той минуты, когда кони из Полтавы помчат меня в вашу Васильевку» [7, 192].

Первым, кто посетил Марию Ивановну в родовом имении с целью услышать ее воспоминания о сыне, стал, однако, не Шевырев, а младший современник и знакомый Гоголя Г.П. Данилевский, который побывал в Васильевке 10 июня 1852 года (ранее первым из московских и петербургских друзей Гоголя, кому довелось побывать на родине Гоголя, был М.П. Погодин, гостивший в Васильевке летом 1842 года). Первоначально Данилевский предполагал приехать на родину Гоголя вместе с Шевыревым. Спустя две недели после посещения Васильевки, 26 июня 1852 года, он сообщал П.А. Плетневу из Киева: «В Москве я виделся с Шевыревым и сказал ему, что, проездом из Полтавы в Киев, намерен посетить “Хутор близ Диканьки”, родину Пасечника Рудого Панька. Шевырев мне объявил, что он также едет сюда для собрания на месте рождения и детства Гоголя сведений о его биографии и для окончания условий с его матерью касательно издания его полного собрания сочинений. Мы

условились быть в “Яновщине” в конце июня» [8, 186]. Встреча Данилевского и Шевырева в Васильевке не состоялась. 14 октября 1852 года в газете «Московские Ведомости» (№ 124) появилась статья Данилевского «Хуторок близ Диканьки» (С. 1277–1280), в которой были помещены записанные биографом в июне 1852 года рассказы М.И. Гоголь о сыне. Эта статья стала первой публикацией мемуарных свидетельств о Гоголе его матери.

Шевырев приехал в Васильевку, вместе с сыном Борисом, спустя месяц после посещения Данилевского, 10 июля 1852 года. Он привез тогда наследникам Гоголя оставшиеся после его смерти бумаги и продолжил сбор сведений о жизни писателя. Официальное извещение о том, что Шевырев трудится над составлением биографии Гоголя, появилось в печати полгода спустя, в феврале 1853-го. Сообщение об этом сделал П.А. Плетнев в отчете о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук, прочитанном 29 декабря 1852 года в торжественном годичном собрании Академии: «В истекающем 1852 году академик Шевырев <...> по смерти Гоголя <...> разбирал бумаги его, которых издание поручено ему родственниками покойного. <...> Прошедшим летом он совершил поездку в Малороссию и собрал в семействе Гоголя многие материалы для его биографии, Отделением нашим порученной академику Шевыреву. Эти материалы состоят преимущественно в письмах Гоголя, начинающихся с самого детства его. Отрывки из них приготовлены также к изданию» [9, стб. 51]. Публикуемые записи о Гоголе, со слов Марии Ивановны, в путевом дневнике Шевырев, несомненно, собирался использовать в готовившемся им по поручению Академии жизнеописании Гоголя.

Вторая публикуемая в настоящем издании рукопись с мемуарными свидетельствами М.И. Гоголь о сыне представляет собой ее отклик на упомянутую статью П.А. Кулиша «Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя», напечатанную в 1852 году в апрельском номере «Отечественных Записок». Эта статья была опубликована в журнале без подписи, так как вплоть до апреля 1856 года печатать свои произведения Кулишу было запрещено: за причастность к сепаратистской деятельности Україно-Славянского Общества (организаторы называли свой кружок Обществом Св. Кирилла и Мефодия), Кулиш осенью 1846 года был арестован, отправлен в Петропавловскую крепость, а затем выслан на три года на службу в Тулу с учреждением над ним полицейского надзора.

Как следует из вышеприведенного письма А.В. Гоголь от конца апреля 1852 года, статья Кулиша стала известна родным Гоголя сразу по выходе указанного номера «Отечественных Записок». Однако, Кулиш, по-видимому, не надеясь на то, что его работа могла быть прочитана родными Гоголя в журнале, послал Марии Ивановне в сентябре 1852 года отдельный оттиск статьи. На это указывают начальные строки публикуемого письма М.И. Гоголь: «Отвечая на присланную мне печатную тетрадку биографии моего сына неизвестным мне автором, вижу расположенность его к моему Ангелу, но незнание его о многом в нашей жизни заставляет меня, что очень натурально, отвечать по пунктам». 3 октября 1852 года Мария Ивановна сообщала О.Сем. Аксаковой: «...Недавно я получила печатную брошюру биографии моего сына, которую уже вы читали, во многих местах искаженную, желала бы на все возражать, но не знаю, к кому отвечать, не зная <ни> имени, ни фамилии приславшего ее, мне очень грустно было читать такую небылицу» [10]. К тому времени Кулиш еще не был знаком с родными писателя. За помощью к матери Гоголя в составлении гоголевской биографии он впервые обратился лишь в начале 1854 года. Первое его посещение Васильевки – и знакомство с Марией Ивановной и сестрами Гоголя – состоялось еще несколько месяцев спустя, в сентябре 1854 года. Поскольку содержание публикуемого отзыва М.И. Гоголь 1852 года на статью Кулиша никак не отразилось в «Опыте биографии Н.В. Гоголя...» (СПб., 1854; цензурное разрешение – 22 апреля), то, по-видимому, этот отклик Кулиш получил не ранее июня 1854 года, о чем 2 июля 1854 года извещал О.М. Бодянского: «Мать Гоголя сообщила мне свои заметки о сыне...» [11, 79–80].

Впервые несколько фрагментов из воспоминаний М.И. Гоголь П.А. Кулиш напечатал только в 1856 году в «Записках о жизни Н.В. Гоголя...» [12, т. 1, 5–8, 10–17, 22, 338; т. 2, 193–200]. При этом биограф имел у себя уже два письма Марии Ивановны с ее воспоминаниями. Одним из источников и был публикуемый ныне автограф записки М.И. Гоголь о сыне 1852 года. Второй рукописью была автобиография Марии Ивановны Гоголь, написанная в 1854 году (см. ниже).

Из воспоминаний М.И. Гоголь о сыне 1852 года Кулиш отчасти процитировал, отчасти пересказал в «Записках...» три фрагмента.

Первый фрагмент касается обстоятельств рождения Гоголя: «Он родился в 1809 году, 19 марта, в местечке Сорочинцах. Может

быть, будущему биографу Гоголя полезно будет знать для каких-нибудь соображений, что мать Гоголя имела двоих детей до его рождения, но они являлись на свет мертвыми. Поэтому, в ожидании новых родов, она переехала в Сорочинцы, где жил знаменитый в то время малороссийский врач Трофимовский. Между прочим она дала обет, если родится у нее сын, наименовать его Николаем, в честь чудотворного образа, называвшегося Николаем Диканьским. Родители Гоголя просили священника села Диканьки молиться до тех пор, пока дадут ему знать о счастливом событии и попросят отслужить благодарственный молебен» [12, т. 1, 5].

Второй фрагмент повествует о начальных этапах образования Гоголя: «...Гоголь получил первоначальное воспитание дома, от наемного семинариста; потом готовился к поступлению в Гимназию в Полтаве, на дому у одного учителя гимназии, вместе с младшим своим братом Иваном. Но когда их взяли домой на каникулы и младший брат умер (9-ти лет от роду), Николай Васильевич (будучи старше его годом) оставался некоторое время дома» [12, т. 1, 16].

В третьем фрагменте Кулиш процитировал слова Гоголя, сказанные матери после смерти отца (скончавшегося 31 марта 1825 года): «В беседах с своей матерью, еще задолго до переезда в Петербург, он объявил ей однажды, что "не будет жить для себя, а для страждущих ближних, и если удостоит его Бог быть полезным своему отечеству, то почтет себя счастливейшим человеком; но если вообразить, что, может быть, не допустят его к тому обстоятельства, то чувствует, что холодный пот выступает у него на лбу"» [12, т. 1, 338].

В полной публикации записки М.И. Гоголь о сыне Кулиш не был заинтересован, так как этот материал состоял в основном из критических замечаний по поводу его ранней статьи, большая часть которой вошла в «Опыт биографии Н.В. Гоголя...».

Пolemично, в частности, по отношению к воспоминаниям Марии Ивановны звучат слова Кулиша в «Записках о жизни Н.В. Гоголя...» о том, что «Гоголь в самом раннем возрасте был окружен литературною и театральною сферою, и таким образом тогда уже был для него намечен предстоявший ему путь. Он, можно сказать, под домашним кровом получил первые уроки декламации и сценических приемов, которыми впоследствии восхищал близких своих приятелей. Приезжая домой на вакансии, он имел не один

случай, если не видеть театр Трошинского, то слышать о нем и позаимствовать кое-что от своего отца» [12, т. 1, 8].

Этот фрагмент представляет собой, за исключением последней фразы, повторение фрагмента, напечатанного ранее, до знакомства Кулиша с М.И. Гоголь, в «Опыте биографии Н.В. Гоголя...» [13]. Дополнившая же этот фрагмент в «Записках...» фраза о том, что «приезжая домой на вакансии, он <Гоголь> имел не один случай, если не видеть театр Трошинского, то слышать о нем и позаимствовать кое-что от своего отца», являются возражением на слова Марии Ивановны в ее записке 1852 года: «Сын мой не участвовал ни в каких удовольствиях в доме нашем, он тогда был очень мал... <...> Отец его <...> сочинял комедии на русском и малорос<си>йском языке, но сын мой при жизни его не знал об этом, комедии его на малорос<с>йском языке были играны на театре в Дмитрия Прокофиевича Трошинского, но сыну моему не случилось быть тогда, так <как> он в то время бывал в Нежине; по смерти своего отца приехавши домой и нашедши комедии на малорос<с>йском языке, Роман и Параска, Овца и Собака, удивился, что отец его мог писать...» (см. в наст. изд.). В «Опыте биографии Н.В. Гоголя...» Кулиш также писал: «Воротаясь однажды после каникул в гимназию, он <Гоголь> привез на малороссийском языке комедию, которую играли на домашнем театре Трошинского (под заглавием: "Собака-Вивця" (Собака-Овца). – *Примеч. П.А. Кулиша. – И.В.*), и из журналиста сделался директором театра и актером. Кулисами служили ему классные доски, а недостаток в костюмах дополняло воображение артистов и публики. С этого времени театр сделался страстью Гоголя и его товарищей, так что, после предварительных опытов, ученики сложились и устроили себе кулисы и костюмы, копируя, разумеется, по указаниям Гоголя, театр, на котором подвизался его отец: другого никто не видал» [14, 16–17]. Прочитав воспоминания Марии Ивановны, Кулиш в «Записках о жизни Н.В. Гоголя...» все-таки сохранил эту фразу, хотя примечание о названии комедии предпочел снять [12, т. 1, 27].

Имея в виду комментарий Кулиша к отрывку из девятой главы первого тома «Мертвых душ», Мария Ивановна также писала: «Описанные им <Гоголем> шалости молодых людей, как табак в нос сонному, видно, весельчаки делали его окружающие, что и его приятно изумляло, но, кажется, не сделал этого, вообразя, что неприятна была такая шутка проснувшемуся, скорее с ним могло это случиться». Несмотря на замечание М.И. Гоголь, Кулиш в «За-

писках...» оставил свой комментарий без изменений: «Бывшие наставники Гоголя аттестовали его, как мальчика скромного и "добронравного"; но это относится только к благородству его натуры, чуждавшейся всего низкого и коварного. Он действительно никому не сделал зла, ни против кого не ошетинивался жесткою стороною своей души; за ним не водилось каких-нибудь дурных привычек. Но никак не должно воображать его, что называется, "смирною овечкою". Маленькие злые, ребяческие проказы были в его духе, и то, что он рассказывает в "Мертвых душах" о гусаре, списано им с натуры. Подобные затеи были между его товарищами в большом ходу» [12, т. 1, 49].

К мемуарным свидетельствам о Гоголе его матери 1852 года (в статье Г.П. Данилевского, в путевом дневнике С.П. Шевырева и в собственноручной записке М. И. Гоголь) естественно примыкают все последующие ее воспоминания 1854, 1856 и 1858 годов.

Вторым письмом с мемуарами М.И. Гоголь, использованными П.А. Кулишом при составлении «Записок о жизни Н.В. Гоголя...», была написанная по просьбе Кулиша (по-видимому, 30 декабря 1854 года) автобиография Марии Ивановны. Этот автограф до нас не дошел. Утрачен и сделанный биографом список мемуаров М.И. Гоголь, хранившийся, по свидетельству Кулиша, у графа А.П. Толстого. В 1886 году новый биограф Гоголя В.И. Шенрок пытался отыскать этот список, однако его попытка не увенчалась успехом. В 1892 году В.И. Шенрок опубликовал отрывки из автобиографии М. И. Гоголь по списку, полученному им летом 1887 года от сестры писателя Анны Васильевны Гоголь [15, т. 1, 37, 41–43, 46, 50, 52, 53, 54, 56–57]. Как показывает текстологический анализ, этот список отличался от рукописи, которая была в распоряжении Кулиша: один из фрагментов мемуаров – отсутствовавший в новом списке – Шенрок привел не по имевшейся у него рукописи, а по книге Кулиша. К тому же публикация Шенрока носит на себе явные следы редакторской правки.

Кроме отрывков из мемуаров М.И. Гоголь, опубликованных П.А. Кулишом и В.И. Шенроком, известны еще два варианта воспоминаний матери Гоголя, написанных в ответ на просьбу П.А. Кулиша. Черновой автограф мемуаров, хранящийся в Институте литеаратуры им. Т.Г. Шевченко НАН Украины, был напечатан в 1992 году Н.Е. Крутиковой [16, 235–254]. Этот автограф датирован 30 декабря 1854 года и начинается словами: «Письмо ваше осветило и мне вашу душу, и каких чувств исполнена она, и пото-

му прописываемое вами мне, – желание ваше описать вам историю моих родителей и мое воспитание, которое, как вы видите, очень было недостаточно, заставило меня жалеть о подавлении и последней, оставшейся после смерти моего мужа, некоторой способности души, последним нанесенным мне ударом – потерей единственного оставшегося мне сына, он еще привязывал меня к жизни. – Печально мне взяться теперь, неуверенной в себе, могу ли удовлетворить вполне желание ваше описать, что могло оставаться в моей памяти» [16, 235–236].

Последующая (промежуточная) редакция воспоминаний М.И. Гоголь-Яновской, озаглавленная «Записки матери Н.В. Гоголя», хранится в Рукописном отделе Пушкинского дома [17]. Этот список мемуаров (оставшийся неопубликованным) был, по-видимому, также сделан дочерью Марии Ивановны Анной Васильевной Гоголь. Рукопись хранится среди материалов П.А. Кулиша к его «Запискам о жизни Н.В. Гоголя», однако каким образом она там оказалась, остается неясным: сам Кулиш, по-видимому, этим списком не располагал. (Указанные материалы в мае 1900 года поступили в Библиотеку Академии наук от А.Н. Пыпина, а последнему были переданы ранее Н.Н. Ге [18].) Еще одна – последующая – редакция мемуаров М.И. Гоголь была опубликована в 1902 году П.И. Бартеневым [19, 706–724]. Однако все эти источники в содержательном отношении существенно уступают окончательной редакции автобиографической записки матери Гоголя, хранящейся в фондах Российского государственного архива литературы и искусства в Москве [20]. Рукопись представляет собой тетрадь в переплете, озаглавленную «Записки матери Гоголя в виде письма к П.А. Кулишу». Это беловой список окончательного, наиболее полного варианта автобиографии М.И. Гоголь, также написанный, по-видимому, А.В. Гоголь [21].

Принципиально иную редакцию автобиографии М.И. Гоголь представляет собой ее письмо к С. Т. Аксакову от 3 апреля 1856 года, опубликованное в 1913 году в журнале «Современник» [22, 247–253]. Существенным дополнением к автобиографическим запискам М.И. Гоголь служит также ее письмо к С. Т. Аксакову от 20 апреля 1858 года, напечатанное в 1928 году С. Н. Дурьлиным [23, 73–94].

Воспоминания М.И. Гоголь-Яновской в путевом дневнике С.П. Шевырева и ее эпистолярная записка о сыне 1852 года подготовлены к изданию при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского

проекта РГНФ «Н.В. Гоголь в забытых и неизвестных свидетельствах современников» (№ 05–04–04101а).

**<Воспоминания М.И. Гоголь-Яновской
в путевом дневнике С.П. Шевырева> [24]**

<...> 10-го июля <1852>. Вид на Полтаву и с горы от Ворсклы.
Васильевка. Имение Кочубея.

Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский сам сочинял комедийки для семейных театров. Рукописи их сохранились в семье, но взяты были покойным его сыном и, вероятно, оставлены у Прокоповича [25].

Мария Ивановна Гоголь-Яновская (урожденная Косяровская) вышла замуж весьма рано 14-ти лет [26]. Двое первых [27] родов были несчастны. Она, будучи 17-ти лет, готовилась к третьим родам и для того поехали они в Сорочинец, к знаменитому в то время доктору Трофимовскому [28], к которому до 60-ти семейств приезжало из разных городов и между прочим из Москвы. Родители дали обет назвать младенца, если будет сын, Николаем – и молились Николаю Чудотворцу, которого явленный образ в Диканьской церкви привлекал поклонников нар<одных>. Когда разрешение совершилось с помощью врача благополучно, Василий Афанасьевич немедленно послал в Диканьку отслужить молебен благодарный Св. Николаю Чудотворцу и записал у себя рождение сына в числе чудес Угодника Божия.

Предание в Диканьке о явлении образа: Явился на пне дуба – и принесен был в дом священника; явился в другой и в третий раз, и тогда уже увидели, что надобно построить храм. Икона и теперь в церкви на пне дуба.

Родился 1809 года, 19-го марта [29], в 9 часов вечера.

Слово Трофимовского, когда он смотрел на новорожденного: будет славный сын.

Подробности о Трофимовском: он лечил купаньем в Псле от мая до августа месяца. – Он полага<л>, что воды Псла содержат в себе <I нрзб.> частицы, которых часто недостает для полного здоровья в теле человеческом. Лечил на <I нрзб.> привычными средствами.

Одно из последних слов покойного, произнесенных им в бреду горячки незадолго перед смертью, было: на мельницу, объяснено матерью. Его занимало в последнее время устройство семейных дел – и он затевал устроить при деревне мельницу.

Крестьяне Васильевки и Козаки (вольные крестьяне), знавшие покойного, никак не думают, чтобы он умер, а говорят, что у него было много врагов и что Император Николой Павлович, чтобы скрыть его от врагов, услал его в Европу западную отыскивать брата его Александра Павловича, также еще живого, но что он возвратится. Они гадали об нем – и выходило, что он жив.

Комедийки Василия Афанасьевича – Овца-Собака, писанная на Русском языке и Малороссийском наречии [30]; Роман и Параска из Малороссийских нравов на Малороссийском наречии [31].

Первые двое сыновей не жили. – Николай, Иван через год (скончался 9-ти лет – вместе росли и учились дома). – Мария 3-мя годами моложе. – Сын Димитрий через год – скончался 1-го года и 2-х месяцев. – Анна, через 4 года после Димитрия, скончалась 4-х лет. – Андрей сын – по 2-му году скончался. – Анна, Елизавета, Ольга [32].

Малороссийские дворяне – Грамота Дворянская и герб Гоголей-Яновских, выданные Афанасию Демьяновичу. – Василий Афанасьевич. – Татьяна Семеновна, мать его, жившая по смерти Василия Афанасьевича, урожденная Лизогуб, – Васильевка принадлежала ей [33].

Иван Матвеевич Косяровский (Надворный Советник). – Анна Матвеевна, сестра его, замужем за Андреем Прокофьевичем, братом Министра Трошинского, Дмитрия Прокофьевича, воспитала Марию Ивановну Гоголь, как дочь свою. – Портрет ее. – Николай Васильевич знал ее, когда ему было уже 22 года.

Андрей Андреевич Трошинский, Генерал-Майор, сын Андрея Прокофьевича, благодетельствовал Николаю Васильевичу.

Дмитрий Прокофьевич бывал в Васильевке и игрывал в шахматы. – Анекдот о покойном Николае Васильевиче, который сказал ему: плевать на вас и на вашу розгу – Папа – не играйте с ним (играли в шахматы), пусть гость. – Хотели наказать его. – Очень будет характерен, сказал Дмитрий Прокофьевич.

До 8-ми лет в доме родителей. – Учитель взят из гимназии. – Занятия самого отца с сыном. – Еще не умел читать, а на географической карте указывал все города.

До 8-ми лет его жили то в Васильевке, то в Кибинцах у Трошинского, а когда наметили в лицей, то жили постоянно в Кибинцах (местечко в 12 верстах за Миргородом, в 250 примерно от Нежина).

8-ми лет в Полтаву к учителю гимназии, для приготовления к лицейю. – До 10-ти лет в Полтаве и потом дома два года.

7-ми лет серьезно грамоте, а 5-ти лет сочиня<л> стихи, и писал иероглифы. Из карт азбучных выписывал сам – и учился писать самоучкой. – Сложил стихи и записал сам. – Вас<илий> Вас<ильевич> Капнист заметил эти стихи [34].

В.В. Капнист приезжал часто в Васильевку и к Трошинским.

12-ти лет в Нежин<ский> Лицей – в <18>21 году.

В Лицее 7 лет – в <18>28 году вышел – по 19<-му> году.

19<-ти> л<ет> поехал в Петербург – где учился 2 года еще до вступл<ения> в службу.

Через 1 год зачем-то в <18>29-м году поехал за границу.

В <18>29 году началась его служба. – В <18>33 году отвозил сестер Анну и Елизавету Вас. в Институт Патриотический в Петербурге>.

В <18>36 г. по издании Ревизора за границу –

и в <18>40 г. приехал за сестрами к их выпуску. – 5 или 6 меся<цев> пробыл в Рос<ссии> и опять за границу.

В <18>39 году в Вене – из Вены в ноябре в Россию. – В <18>40 году в мае опять за границу.

В <18>42 году возвратился, для издания 1-го тома М<ертвых> Душ и в мае же уехал.

От <18>42 до <18>48 за границую. – В Иерусалим.

В 1848 году – возвратился оттуда 9-го мая домой в Васильевку.

В 1849 году – был на родине.

В 1850 году лето также – в Одесс<е> зиму.

В 1851 году – из Одессы – в апреле и мае на родину последн<ий> раз 22-го мая выеха<л> из Васильевки – ме<с>т<ечко> Кагорлык, где провел Пасху.

В сентябре собирался, но не доехал.

Дома хозяйств<енные> занятия – посадка деревьев.

Симон, о котором упоминается в письмах, хороший повар и дядька.

В Уроке Дочкам [35] играл Няню.

Любил шутить и смешил всех.

Любил рисовать в своб<одное> время.

Узоры рисовал дома.

Опрокинет чернильницу и из черн<ил> выйдет мужик в шляпе.

Непрерывное занятие дома, – и около дома.

Учил сестер для приготowl<ения> в Институт Истории и Географии.

Подслушал их слова в играх – и за столом их передает, а они удивляются.

Дар подмечать и наблюдать, и рассказывать теми же словами, как слышал.

В 1850 году осенью, в октябре, со слезами говорил матери, что болезнь истощила его силы и что он не может ничего уже полезного довершить для отечества.

Слова успокоительные матери.

Всякий раз, при приезде и выезде, угощал крестьян.

Любил разрезывать сам куски и приговаривал: «когда бы мог я каждого удовлетворить лучши<м> куском?»

Хлебосоольство.

Первые деньги, данные ему дедушкой Ив<аном> Матв<ееви-
чем> на конфек<ты>, 5 р<ублей> асс<игнациями>, употреб<и>л на вспомож<ение> бедным и на угоще<нье> конфек<тами> семьи [36].

Эпитет от товарищей ему в Нежине <данный>: таинственный [37].

Слово В.В. Капниста при чтении первых стихов Н. В. Гоголя, когда было ему еще пять лет: «Хорошо бы было, если бы он был отдан на воспитание на руки Христианину». – Слышано от матери.

Сновидение Вас<илия> Аф<анасъевича> Гоголя перед браком. В церкви отворяются Ц<арские> двери, и выходит Царица в порфире, и выносит дитя. – В доме тетки Марьи Ив<ановны> Вас<илий> Аф<анасъевич> узнает это дитя на руках у няни. Это была М<ария> И<вановна>. – Позднее видит он, как в церкви же прекрасная девица указывает<т> на девушку 13 лет, сидящую за рабочим столиком [38].

Малоросс<ийская> песня, которую пел маленький Н<иколай> В<асильевич>, выговаривая ясно каждое слово, и за дверью, чтобы никто не видел:

Баба кисель варила,

На морозе цидила.

Из письма к матери 1836. Спб. Июня 5, перед отъездом за границу [39]. «Посылаю вам также несколько книг и в том числе моего *Ревизора*, который наделал здесь чрезвычайно много шума, приобрел мне новых благоприятелей и еще большее число неблагоприятелей. Если бы сам Государь не оказал своего высокого покровительства и заступничества, то, вероятно, она не была бы никогда играна или напечатана».

О Трофимовском в 12-м томе Вестника Европы 1803 г. [40]

<Записка М.И. Гоголь-Яновской о сыне> [41]

<Сентябрь – начало октября 1852. Васильевка.>

Отвечая на присланную мне печатную тетрадку биографии моего сына неизвестным мне автором [42], вижу расположенность его к моему Ангелу, но незнание его о многом в нашей жизни заставляет меня, что очень натурально [43], отвечать по пунктам. 1-е. Сын мой Николай родился в местечке Сорочинцах в 9-м годе марта 19-го при известном докторе *Трофимовском*; меня туда для того отвозили, что я имела несчастные первые роды. Выдали меня замуж 14 лет, в 15-ть я не была утешенная мать [44], имея неживого сына, в 1<6-ть> [45] так же, и в 17 лет мне Бог послал увидеть первое живое дитя, бесценного моего сына Николая, о котором мы молились с мужем моим в Диканьке и просили Чудотворца Николая умолять Творца утешить нас, и если Бог пошлет нам сына, назвать его именем, и поруча тамошнему тогда священнику молиться до того времени, покуда мы дадим ему знать о счастливом событии, и попросим отправить благодарственный молебень [46], и посылала к нему тотчас; в Сорочинцах – навещал меня всегда 2 раза в день преклонных уже лет почтенный старик, упомянутый доктор, и предоказывал нам, что мы будем иметь необыкновенного сына; я принимала 9-й месяц лекарство, которое облегчило меня, но на дитя, мне кажется, оно имело влияние на всю его жизнь, как я теперь рассуждаю, он был слабого сложения и не мог жить долго, лучше было мне не жить и оставить его здоров<ым>, но видно, я очень грешна, что мне Господь посылал в продолжении моей жизни тяжкие кресты, я лишилась самых близких моему сердцу особ, но последняя потеря превышает всех. Не могу надивиться крепкому моему сложению; слишком, видно, заботилась о укреплении моего здоровья, что могла пережить моего возлюбленного сына, несча<стно> остав<a>ясь с очень немного нарушенным здоровьем: после моего сына я имела еще 9-ть детей, первые и средние умерли и остались самые последние. Последней было 2 недели, когда я лишилась своего мужа. – Деревня наша Васильевка точно находится в Полтавской Губернии Миргородского уезда, тогда в ней было 130 душ, да моих приданных прибавилось 32 души, и теперь уже в ней 205 душ, и по этим душам земли моей [47] всего 880 десятин. Муж мой был точно хороший хозяин, но доходов значительных мы не могли получать, живя в таких местах, что сбыту никакого не могло быть при всем старании нашем, но все мы не нуждались в жизненных припасах,

и у нас всегда были живущие в доме, и много приезжали добрые наши знакомые, но нарядов мы не имели, кроме самого необходимого, да и не мечтали за ними, живя спокойно и счастливо в красивом местоположении нашей Васильевки, доставшейся мужу моему от его матери, урожденной Лизогубовой. – Сын мой не участвовал ни в каких удовольствиях в доме нашем, он тогда был очень мал, семи лет поручили его учителю семинаристу с 6-летним братом его Иваном, который рос с ним, потом отдали их в Полтаву к учителю, и когда брали домой, то меньший мой сын заболел, и доктора не могли его спасти, и умер 9-ти лет, а Николай остался 10-ти лет [48]. Его поразительно удивило несчастное то событие и оставило надолго мрачное расположение в его характере. В 12 лет отдали его в нежинскую [49] Лицей, тогда она именовалась Гимназию высших наук; когда приезжал на каникулы при отце, то тогда мы были дома, не выезжали никуда; муж мой занимался садом и другими хозяйственными делами, так что для него было довольно монотонная [50] <жизнь>, я также по своему хозяйству была всегда занята, и он всегда любил быть один и всегда был занят по своим летам, то делал какой необыкновенный инструмент, то клетки для птиц с своим старым дядькой, заслуженным человеком, а более барабаны всегда бывали у него любимым занятием, он делал и производил в действие где-нибудь в углу двора или саду. – А когда начал себя понимать, то лишился отца. Печаль эта сделала впечатление на всю его жизнь, и тогда он сказал, что он не будет жить для себя, а для страждущих ближних, и если Бог удостоит быть полезным своему отечеству – Рос<с>ии, то почтет себя счастливым, но если вообразит, что может быть его не допустят обстоятельства его, то чувствует, что холодный пот показывается на его лбу [51]. Дедушки и бабушки своей быт с отк<р>овенной <?> стороны несколько похожий описал он в А<фанасии> и Пульхерии Ива<новне> [52], только, верно, из рассказов других, потому что он тогда очень был мал. Отец его имел отличный ум и много юмору, но не имел дару красноречия, писал увлекательно – сочинял комедии на русском и малорос<си>йском языке, но сын мой при жизни его не знал об этом, комедии его на малорос<с>ийском языке были играны на театре в Дмитрия Прокофиевича Трощинского, но сыну моему не случилось быть тогда, так <как> он в то время бывал в Нежине; по смерти своего отца приехавши домой и нашедши комедии на малорос<с>ийском языке, Роман и Параска, Овца и Собака, удивился, что отец его мог писать, у меня забрал их в С<анкт>-П<етербург>, с тем, чтоб напечатать, но они не были напечатаны, и не знаю, где они, и если где,

полагаю, нет ли в Петербурге в Г<-на> Прокоповича, там у него в комодке были спрятанны более ста гравированных портретов его, которые он спрятал, не желая показывать в свет. – С Трошинским познакомился муж мой, сговоря меня, представлен ему был моим женихом теткой моей, у которой я росла и которая была за его родным братом сотником, в том местечке *Яреськах*, которого уже я не видала; он давно уже умер, оставя сына Андрея Андреевича покойного уже теперь Генерал-майора, и потому мы были с Дмитрием Прокофи<е>в<и>ч<ем> в сватовстве, и он узнал, что муж мой был сын его друга секунд-майора [53] Гоголь-Яно<вского>, и он более любил нас и не отпускал домой иначе как по усиленной просьбе и всегда с большим неудовольствием, отчего у нас опустело имение, и мне надобно было, оставшись в вдовстве, все вновь устраивать, что меня, может быть, спасло в неутоешной моей горести, считая обязанностью [54] быть полезной моим 6-ти сиротам – 5 дочерей и единственного сына, сокровища моего на земле, 2-х дочерей я лишилась после смерти мужа и имела силы перенести и последнюю потерю, превышающую все. В Полтавской гимназии сын мой не был, а на квартире в учителя, потом помещен был в Лицею Нежинскую своекоштным и был на нашем иждивении только один год, за что заплочены были 1000 рублей, потом добрые приятели, зная наши обстоятельства, постарались перевести его казеннокоштным. У сына моего не было старшего живого брата, как я писала выше, а годом его младший, который умер в Васильевке, а не в Полтаве, а Андрей, его брат, умер одного году, лет 10 был его моложе; может, он случился тогда дома, когда его хоронили, я этого не по<мню>; у меня было 6 сынов, и ни одного не осталось, и 6 дочерей, и еще, по милости Божией половина остается. От старшей моей дочери, после Николая и Иоанна родившейся, остался сын, внук мой Николай Павлович Трушковский [55], находящийся теперь в П<етербургском> университете, доброй и кроткой души, имеющий природный здоровый ум. – Сын мой имел светло-русые волосы, когда помещен был в Нежине, и темные немалые глаза, и был недурной наружности. Любим был многими, очень был изобретателен, устраивал кулисы, обрисовывал масляными красками, он имел большой дар к живописи и усовершенствовал его в Академии Художеств, куда при науках своих посещал ежедневно по два часа, и оттого приписано ему неряшество, как сам тер масляные краски и не обращал на себя внимания, и, верно, видели его испачканного, и может кто заметил ему и он бросил это искусство; мне говорил его товарищ, что он оставил в

картинной галерее в пол-аршина его работы картину в благодарность, которую оценили в 6 тысяч рублей; сюжет был взят такой, что проходящие не могли взглянуть без удушающего смеха, но от него я никогда не слышала ни о чем подобном. Если это и правда, то в последствии времени он, верно, истребил ту картину, если ее уже там нет. Мне кажется, что он не в состоянии был наклеить каким-нибудь именем даже неприятеля своего, если он мог иметь <его>; он имел самое чувствительное сердце и стремился как только мог скрыть эту нежность его души, желал показывать себя противоположным этому прекрасному чувству, и от того казался скрытным; он любил всеми силами души своих товарищей и с неимоверной кротостью прощал сделанные ему обиды. Читая его Мертвые души, я была поражена безотрадно, прочтя умилительное сожаление о прошедшей его юности, будто то было так давно, какое-то грустное предчувствие всегда оставалось у меня. – Историю о гусаке [56] он списал с натуры, точно были такие оригиналы, фамилии которых я не упомяну, что за подобные безделицы заводили дела не из гнева, потому что они езжали в одном экипаже нередко подавать друг на друга жалобу, считая это должным, чтоб другие их урезонивали. Описанные им шалости молодых людей, как табак в нос сонному [57], видно, весельчаки делали его окружающие, что и его приятно изумляло, но, кажется, не сделал этого, вообразя, что неприятна была такая шутка проснувшемуся [58], скорее с ним могло это случиться. – Чувствуя, что он мало успел в Нежинской Гимназии, 2 года употребил на учение себя, приехавши в П<етербург>, и в течение того времени уделял по 2 часа, как я писала выше, на рисование. – Французского языка он не любил, может быть и оттого, что тогда была большая вражда с Францией [59], когда часто были карикатуры на Бонапарта, его родных и приближенных, и осталось в памяти дитяти, что-нибудь неприятное, но немецкий язык он любил, только с теми говорил на нем, что совершенно не мог говорить по-русски, также и итальянский язык очень любил и учил, покуда не уехал опять за границу, сестру свою Елизавету. Что же напечатано, что мой сын хотел быть актером, то слух совершенно был несправедлив, можно ли, чтоб тот человек, которой с детских лет твердил, что он не умрет, не бывши полезным Рос<с>ии, любя так свое отечество, желал остаться актером, и в помышлении у него этого никогда не было, а театр он очень любил и желал бы бывать в ежедневно, если бы позволило его состояние. – Вступить в должность по прошествии двух лет своего ученья он не мог, потому что места лучшие

были заняты, а какого-нибудь он не хотел занять; ходя в таком раздумьи по набережной, и видит пароход, готовящийся отплыть в Германию; будучи в таком бездействии, он подумал, как бы хорошо воспользоваться ему этим временем и поехать путешествовать, если бы были у него деньги, но их не было, и он печально возвратился на квартиру, и в тот же вечер получил он объявление на полторы тысячи рублей, я посылая в опекунский совет процент по заложенному моему имению, всегда посылая [60] прямо, а тут вздумалось мне послать ему, чтоб он сам отнес их. Он, получа, обрадовался, сд<ла>л по форме уступку мне свою часть имения и прислал мне проче<сть>, чтоб я его простила, за то, что он берет эти деньги, и едет в Германию, но чтобы я не беспокоилась о нем, что я буду реже [61] получать, чем с П<етербурга>, от него письма, что ему совес<т>но и вообразить, если он причинит мне беспокойство, и когда мне будет угодно, тогда он и возвратится. Я написала ему выговор, зачем он отдает мне свое имение, что его не нужно, и велела ему возвратиться как можно скорее, зная, что ему тех денег мало и плохо ему остаться вне своего государства безо всякой помощи. Получа мое письмо, он тотчас уехал при случившемся пароходе; будучи в Любеке и Гамбурге, он мне писал часто и обрисовывал в письме улицу, где он квартировал, и как случилось им пристать по причине бури на остров Борнгольм, описывал мне тамошних наряд, и всего 2 месяца проездил; тогда было ему 20 ле<т>. Возвратясь, он перевел статью с французского языка о мореплавании [62], и тогда дали ему должность, в департаменте уделов в м<и>ни<с>терстве двора. Это было первой шаг его в службу. Он, увидя, что там сидячая жизнь и только копированье, писал ко мне, что он безжалостно оставляет свою должность, которую другой с удовольствием примет; потом он издал прожект о воспитании детей так, чтоб их ум действовал и чтоб они говорили уроки своим языком, а не пунктуально выговаривали затверженное, и Государыне угодно было приказать ему показать на опыте, и так он очутился нечаянно в патриотическом институте, где преподавал историю средних веков, и оправдал свое мнение, получил в должности той 4 табакерки и 2 пер<т>ня. Все это я знаю не от него, а от посторонних; он никогда ничего не любил об себе говорить. Кол<лежского> асесора чин он получил, <с>давши экзамен. Когда он приезжал домой, издавши уже пасичника своего, он был 9-го клас<с>a чиновник, и я ему говорила: хотя бы ты имел чин, что можно надписывать Высокоблагородие, он удивился и сказал: неужели у нас в Малорос<с>ии так дорожат чинами. Как же, – я

ему отвечала, – да когда большой чиновник, то более уважают, т. е. задерживают на почтам<т>. Он улыбнулся и сказал: ну я, приехавши, <с>дам экзамен и мне дадут чин коллежского ассессора; так и случилось. В стихах он поднес было мне тетрадку, обрисованную как можно тщательнее, когда Рос<с>ия была под игом татар [63], и мне казались стихи необыкновенно хороши, и мне очень было жаль, что он у меня тайно их взял с шкаба, прося ключ вынуть книги при отъезде в Нежин, и я не подозревала этого и не скоро узнала, и начала ему выговаривать, зачем он лишил меня моей собственности, он отнекивался, что не брал, и обещал мне доставить, что-нибудь лучшее. В малых летах он не был шалун и всегда был задумчив; когда мы ездили с мужем моим по полям [и они оба, Николай и Иван, сидели напротив нас], то муж мой задавал ему сказать на виденную нами рощу или на какой курган описать, и он начинал говорить чрезвычайно хорошо, и когда я бывала в большой суете ища у себя карандаша, чтоб все записывать, <говоря>, как жаль, что не могу списать этого, <отвечал> – не беспокойтесь, чрез час я буду говорить совсем в другом роде. Меня чрезвычайно удивляло такое скорое и приличное на все предметы сказание в пятнадцать лет его возраста, я слышала от него неперменное желание жить для пользы самого отечества, т. е. Рос<с>ии, но в последствии времени никогда не слышала от него никаких предположений, и никому никогда не говорил из своих друзей ничего, разве только что-нибудь выдумывал, лишь бы сказать; навсегда таил в душе своей какие-нибудь добрые дела, даже и от себя, если бы было то можно [64].

Примечания:

1. Вероятно, имеется в виду стихотворение «Россия под игом татар», о котором со слов М.И. Гоголь сообщал позднее Г.П. Данилевский: «...Укажем еще на стихотворение “*Россия под игом Татар*”; это стихотворение никогда не было напечатано; Гоголь прислал его к своей матушке из Нежинского лицея, тщательно переписав его в изящную книжечку, украшенную собственными его рисунками. Из всего содержания этой эпопеи, к сожалению, тайно похищенной из Яновщины, через несколько лет, самим автором, матушка покойного помнит только окончание – следующие два стиха:

Раздвинув тучки среброрунны,
Явилась трепетно луна!»

(Данилевский Г. Хуторок близ Диканьки // Московские Ведомости. – 1852. – 14 окт. – № 124. – С. 1279).

Прочитав статью Г.П. Данилевского, Мария Ивановна 24 февраля 1853 г. писала С.П. Шевыреву: «...Я сказала г. Данилевскому, что он <Гоголь>, будучи 16-ти лет, поднес мне свою рукопись в стихах, со тщанием написанную, взяв то время, когда Россия была под игом татар. Эта тетрадка им же была и обрисована, но после, когда он приезжал в каникулы домой, взял, рассматривая в шкапу книги, и, как видно, истребил, и, когда начала ему выговаривать, зачем он лишил меня этого, то он отнекивался, что не брал. Г. Данилевский очень усердно просил меня сказать ему, что запомнила из его стихов; я сказала, что очень жалею, что не помню; это было так давно, и я долго грустила, что не спрятала в таком месте, где бы он не нашел, но я не могла предвидеть, чтоб он мог взять обратно свой подарок. Один только при конце врезался в моей памяти куплет: "Раздравши тучи сребрунны, являлась трепетно луна". Г. Данилевский напечатал вместо "туч" – "тучки" и приписал ему, как видно, это сочинение к трехлетнему возрасту» (Лит. наследство. – Т. 58. – М., 1952. –С. 770).

2. Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем. Изд. подгот. сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е.П. Населенко и Е.А. Смирнова. – М.: Изд-во АН СССР, 1960.

3. Переписка Н.В. Гоголя с Н.Н. Шереметевой. Изд. подготовили И.А. Виноградов, В.А. Воропаев. – М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001.

4. Шенрок В.И. Письмо С.П. Шевырева М.Н. Синельниковой о последних днях жизни Н.В. Гоголя // Русская Старина. – 1902. – № 5.

5. Лит. наследство. – Т. 58. – М., 1952.

6. Подробнее см.: Виноградов И.А. Первый биограф Гоголя // Кулиш П.А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – С. 3–81.

7. Линниченко И.А. Новые материалы для биографии Н.В. Гоголя // Русская Мысль. – 1896. – № 5.

8. Письма Г.П. Данилевского П.А. Плетневу, И.С. и С.Т. Аксаковым (публикация Е.В. Свиясова) // Русская литература. – 1979. – № 4.

9. Отчет Имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности за 1852 год. Составлен орд. акад. П.А. Плетневым и читан им в торжественном годовичном собрании Академии 29 дек.

1852 г. // Известия Имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности. – СПб., 1853. – Т. 2. – Листы 3-5 (подписано к печати 14 февр. 1853 г.).

10. Цит. по: *Дурылин С.* Из семейной хроники Гоголя. Переписка В.А. и М.И. Гоголь-Яновских. Письма М.И. Гоголь к Аксаковым / Государственная Академия художественных наук. Тексты и материалы. Вып. 4. – М., 1928. – С. 88. «"Биография", не удовлетворившая М.И. Гоголь, это, надо полагать, отдельный оттиск статьи П.А. Кулиша "Несколько черт из биографии Гоголя", под псевдонимом "Н.М." напечатанной в "Отечественных Записках", 1852 г., № 4, стр. 189–201» (Письма М.И. Гоголь к Сергею Тимофеевичу, Ольге Семеновне и Вере Сергеевне Аксаковым (1842–1859 гг.) // *Дурылин С.* Из семейной хроники Гоголя. – С. 98).

11. *Титов А.* Письма П.А. Кулиша к О.М. Бодянскому. – Киев, 1898.

12. <*Кулиш П.А.*> *Николай М.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и из его собственных писем. – СПб., 1856. – Т. 1–2.

13. Ср.: «...Николай Васильевич в самом раннем возрасте был окружен литературною и театральною сферою, и таким образом тогда уже был для него намечен предстоявший ему путь. Он, можно сказать, под домашним кровом получил первые уроки декламации и сценических приемов, которыми впоследствии восхищал близких своих приятелей» (<*Кулиш П.А.*> Опыт биографии Н.В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Соч. Николая – М. СПб., 1854. – С. 11).

14. <*Кулиш П.А.*> Опыт биографии Н.В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Соч. Николая – М. – СПб., 1854.

15. *Шенрок В.И.* Материалы для биографии Гоголя. – М., 1892. – Т. 1.

16. *Крутикова Н.Е.* Н.В. Гоголь. Исследования и материалы. – Киев, 1992.

17. *ИРЛИ.* Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 98–137; в переплете.

18. См.: *ИРЛИ.* Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 1.

19. Автобиографическая записка Марии Ивановны Гоголь, матери Н.В. Гоголя. Сообщено И.С. Аксаковым // *Русский Архив.* – 1902. № 4.

20. *РГАЛИ.* Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 94. 109 л.

21. *Виноградов И.А.* Новые мемуарные источники о Гоголе // *Гоголевский вестник.* Издание Гоголевской комиссии при Научном

совете РАН «История мировой культуры» / Под. ред. В.А. Воропаева. Отв. ред. И.А. Виноградов. – М., Наука. – Вып. 1 (в печати).

22. Из воспоминаний матери Гоголя. (Письмо М. И. Гоголь к С.Т. Аксакову) // Современник. – 1913. – № 4.

23. Письма М.И. Гоголь к Сергею Тимофеевичу, Ольге Семеновне и Вере Сергеевне Аксаковым (1842–1859 гг.) // *Дурьлин С.* Из семейной хроники Гоголя. Переписка В.А. и М.И. Гоголь-Яновских. Письма М.И. Гоголь к Аксаковым / Государственная Академия художественных наук. Тексты и материалы. – Вып. 4. – М., 1928.

24. Заметки с воспоминаниям М.И. Гоголь-Яновской о Гоголе замыкают дневниковые записи С.П. Шевырева в его записной книге 1843 (с 26 февраля) – 1852 (по 10 июля) гг. Хранится: *РНБ*. Ф. 850. Ед. хр. 20. Шевырев С.П. Журнал. Записки и заметки. 1843–1852 г. 95 л. Л. 91об.-94. Публикуется впервые по автографу.

25. Прокопович Николай Яковлевич (1810–1857), соученик Гоголя по Нежинской гимназии, один из ближайших его друзей; поэт, педагог. Во время пребывания Гоголя за границей у Прокоповича в Петербурге хранилась библиотека Гоголя.

26. Свадьба родителей Гоголя состоялась 12 ноября 1805 г. (см.: *Виноградов Г.С.* Даты жизни Н. В. Гоголя // *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. – <Л.>: Изд-во АН СССР, 1940. – Т. 10. – С. 11).

27. Двое первых *вписано вместо*: Первые сыновья

28. Трофимовский (Трахимовский, Трохимовский) Михаил Яковлевич (около 1733 – после 1810), врач. По недостоверному преданию, Гоголь родился в доме М.Я. Трофимовского. На самом деле, по свидетельству М.А. Максимовича, Гоголь появился на свет в другом доме: «квартира» М.И. Гоголь-Яновской в Сорочинцах, «была в домике генеральши Дмитриевой, в котором и родился *19-го марта Николай Васильевич Гоголь*» (*Максимович М.* Родина Гоголя // *Москвитянин*. – 1854. – № 1. – Отд. VIII. – С. 7). Крестным отцом новорожденного был сын М.Я. Трахимовского Михаил. Сохранилось письмо Гоголя из Одессы от ноября 1850 г. к сыну М.М. Трахимовского Алексею (А.М. Трахимовский был приемником при крещении племянника Гоголя Н.П. Трушковского). Перу сына А.М. Трахимовского Н.А. Трахимовского принадлежит статья о М.И. Гоголь, написанная по воспоминаниям ее дочери А.В. Гоголь (*Трахимовский Н.А.* Мария Ивановна Гоголь. По поводу статьи Н.А. Белозерской // *Русская Старина*. – 1888. – № 7. – С. 25-46). «Фамилия Трахимовский, по мнению А.С. Данилевского, происходит от слов: трохи (мало) и мовить (говорить)» [15, т. 1, 52). В 1803 г. один из современников писал о

М.Я. Трофимовском: «...Имею удовольствие сообщить вам известия о почтенном человеке, который по жизни и делам своим имеет неоспоримое право на всеобщую благодарность. <...> Ласковый прием, всегдашняя готовность к помощи и долговременная опытность так прославили сего врача, что в крайности, когда уже все способы делаются бесполезными, недужные прибегают к нему, как к Оракулу, ожидая решительного приговора. <...> У него нет различия в состояниях: богатой и убогой – все равномерно занимают его, с тем различием, что последним он дает лекарства безденежно. <...> Сей человек, помогая страждущим, наймами домов и продажею деревенских произведений обогатил всех жителей селения; но за то уже приобрел такое уважение, которым не всякой вельможа может похвалиться. <...> В Сорочинцах недавно был пожар, от которого некоторые жители совершенно разорились. Господин Трофимовский доказал, что он есть не только телесный, но и душевный врач: утешал несчастных, скромным образом помогал им, и новые дома уже выстроены. <...> Сей почтенный муж, не взирая на то, что имеет уже от роду около семидесяти лет, еще бодр и весел. Он примером своим доказывает, что полезная деятельность есть самый лучший талисман для сохранения здоровья» (И.Б. Благодетельный врач в Малороссии. (Письмо к Издателю) // Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. – (М.), 1803. – Ч. 12. – Ноябрь. № 21 и 22. – С. 88-91).

29. Согласно записи в метрической книге Спасо-Преображенской церкви местечка Сорочинец Миргородского уезда, Гоголь родился 20 марта 1809 г. (см.: Русская Старина. – 1888. – № 11. – С. 392). О том, что днем рождения Гоголя в метрической книге значится 20 марта, указал еще в 1852 г. В.П. Гаевский (*Г<аев>ский В. Заметки для биографии Гоголя // Современник. – 1852. – № 10 (ценз. разр. – 14 окт.). – Отд. VI. – С. 141*). Однако, судя по всему, указанная запись была сделана в книге задним числом – и вследствие этого дата рождения Гоголя была указана в ней ошибочно. И мать Гоголя, и сам Гоголь всегда праздновали его день рождения 19 марта. См. также соответствующее указание на дату рождения Гоголя – 19 марта – в воспоминаниях М.И. Гоголь (см. ниже). Вероятно, с юношеских лет Гоголь запомнил, что день его рождения – 19 марта – совпадал с днем вступления в Париж войск антинаполеоновской коалиции в 1814 г., и потому впоследствии праздновал оба эти события вместе (см.: Русская Старина. – 1892. – № 2. – С. 432; [5, 725, 757, 759, 775]).

30. Позднее П.А. Кулиш пересказал содержание этой комедии в «Записках о жизни Н.В. Гоголя...» (см.: [12, т. 1, 8]).

31. Позднее П.А. Кулиш опубликовал эту комедию: *Гоголь В.А. Простак, или Хитрость женщины, перехитренная солдатом* // Основа. – 1862. – № 2. Содержание пьесы Гоголя-отца перекликается с «малороссийской оперой» И.П. Котляревского «Москаль-Чаривник». (При этом, в отличие от комедии Котлеревского, произведение Василия Афанасьевича изобилует церковной лексикой.) 10 октября 1839 г. Гоголь обещал И.И. Срезневскому «держатъ корректуру» второй книги «Украинского Сборника» (вышел в 1841 г.), где была опубликована опера Котляревского (Живая Старина. – 1892. – Вып. 1. – С. 71). Об общем западном источнике комедии Гоголя-отца и «Москаль-Чаривника» Котляревского см.: *Дашкевич Н.П.* Вопрос о литературном источнике украинской оперы И.П. Котляревского «Москаль-Чаривник» // Киевская Старина. – 1893. – № 10-12. – С. 451-481. О влиянии на Гоголя комедий его отца см. коммент. в изд.: *Гоголь Н.В. Собр. соч.*: В 9 тт. – М., 1994. – Т. 9. – С. 536. Сохранился также отрывок еще одной не дошедшей до нас комедии Гоголя-отца (см.: *Назаревский А.А.* Из архива Головни // Н.В. Гоголь. Материалы и исследования. – М.; Л., 1936. – Т. 1. – С. 324).

32. В семье В.А. и М.И. Гоголь-Яновских было двенадцать детей. «Сообщаем их имена: Николай, Андрей, Дмитрий, Иван (из них последние трое умерли в раннем детстве), и дочери – Мария, Анна, еще Анна, Елизавета, Татьяна и Ольга. Двое же родились мертвыми» (*Чаговец В.А.* Примечания // Из семейной хроники Гоголей. (Мемуары О.В. Гоголь-Головни). Ред и прим. В.А. Чаговца. – Киев, 1909. – С. 63). Гоголь Николай Васильевич (1809-1852); Гоголь Иван Васильевич (1810-1819); Гоголь Мария Васильевна (в замужестве Трушковская; 1811-1844); Гоголь Дмитрий Васильевич (1812-1813); Гоголь Анна Васильевна (1817-1820); Гоголь Андрей Васильевич (род. около 1818-1819, умер на втором году жизни); Гоголь Анна Васильевна (другая) (27 апреля 1821-1893); Гоголь Елисавета Васильевна (в замужестве Быкова; начало 1824-1864); Гоголь Татьяна Васильевна (конец 1824-1825, после 1 июля); Гоголь Ольга Васильевна (в замужестве Головня; 19 марта 1825 – 5 декабря 1907).

33. Бабушка Н.В. Гоголя, Татьяна Семеновна Гоголь-Яновская (рожденная Лизогуб; род. после 1750 (по некоторым сведениям, около 1768-1769) – ум. около 1827), помнила еще времена Запо-

рожской Сечи. Она была дочерью бунчукового товарища Семена Семеновича Лизогуба, который являлся родным внуком гетмана Ивана Ильича Скоропадского, родственником Павла Леонтьевича Полуботка, потомком генерального обозного Якова Лизогуба и зятем (с 1742) переяславского полковника «войска Запорожского» (с 1726-1728) Василия Михайловича Танского (ок. 1678-1763). В семейном архиве Гоголей хранились жалованная грамота Петра I «полковнику над волохами» (над румынами) В.М. Танскому на село Озеряны 1718 г. (награда за воинские доблести в Шведскую кампанию), а также универсал гетмана Скоропадского ему же и на то же имение 1715 г. (опубл.: *Чаговец В.А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник. – Киев, 1902. – Отд. 3. – С. 4142; см. также: см.: *Лазаревский А.М.* Очерки малороссийских фамилий // Русский Архив. – 1875. – № 3. – С. 452). В 1722 г. В.М. Танский получил также во владение большое поместье Мурафа. В 1731 г. за притеснения казаков он был арестован и в 1734 г. сослан в Сибирь, где находился до 1742 г. Помимо прочего, выяснилось, что село Озеряны, на которое Танский получил жалованную грамоту, принадлежало ранее М.В. Забеле, что Танский, добываясь в 1715 г. этого поместья, умышленно скрыл. В 1741 г. сын М.В. Забелы Захария подал прошение на Высочайшее имя, по которому в 1749 г. вернул имение обратно. В декабре 1741 г. В.М. Танский был прощен и в июле 1742 г., после кратковременного пребывания в Петербурге, вернулся в Малороссию; переяславское полковничество ему было возвращено; позднее, взамен Озерян, по ходатайству С.С. Лизогуба, графом К.Г. Разумовским ему были выделены новые земли – в местечках Яготин и Бубнов, в деревне Решётках и селе Калаберда (Колиберда). Документы о полковнике Танском хранились в фамильном гоголевском архиве и должны были быть известны Гоголю. «Можно быть уверены, что при составлении истории Малороссии этот материал не был обойден поэтом...» (*Чаговец В.А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива). С. 7).

История женитьбы А.Д. Гоголя-Яновского (в ту пору войскового канцеляриста, домашнего учителя в доме С.С. Лизогуба) и Т.С. Лизогуб нашла отражение в повести Гоголя «Старосветские помещики»: «...он даже увез довольно ловко Пульхерию Ивановну, которую родственники не хотели отдать за него...». Бегство Татьяны Семеновны из родного дома объяснялось отчасти тяжелым характером матери. По словам ее отца С.С. Лизогуба, она «росла при

матери в горе, як при мачухе» («Мать ее, – пояснял В. А. Чаговец, – урожд<енная> Танская, отличалась тяжелым, своевольным и вздорным характером») (Из семейной хроники Гоголей. С. 69). Эти черты Анна Васильевна Лизогуб, очевидно, унаследовала от своей матери «полковницы» Анны Танской, которая заведовала «преимущественно» делами по управлению имениями своего мужа. «...После ссылки мужа <...> она не изменила своей системы и так же энергично отстаивала свои интересы без мужа, как и при нем. Как и раньше, она безучастно относилась к народу, не позволяла выгонять скот на пастбище или высылала в поле целую команду "волох и другого звания людей", которые с дубьем и ружьями прогоняли работавших крестьян с их дедовских земель, якобы принадлежавших ныне Танским... <...> ...Из дел видно, что в этих схватках вооруженных волохов с крестьянами, из последних некоторые бывали убиты... Караулы, расставленные на границах полей и в степи "по разным могилам", сообщали мирным полям какой-то чуждый характер и внушали страх и трепет среди крестьян...» (Чаговец В.А. Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива). С. 15). В отличие от жены, отец Татьяны Семеновны, С.С. Лизогуб, отличался глубокой религиозностью, которую унаследовала его дочь.

После бегства Татьяны Семеновны «гнев отца быстро прошел, и молодые беглецы получили в приданое сельцо Купчик, впоследствии переименованное в Васильевку, Яновщину тож» (Чаговец В.А. Примечания // Из семейной хроники Гоголей. С. 69). (Село Купчик, или хутор Купчин, на реке Голтве, называвшийся позднее от фамилии А.Д. Гоголя-Яновского – Яновщиной, и от имени отца Гоголя *Василия* – Васильевкой, входил в состав имения Мурафа, но был получен В.М. Танским не в 1722 г., а ранее, в качестве приданого жены.) По другим сведениям, С.С. Лизогуб передал «хутор Татьяне Яновской и внуку Василию» в 1781 г. (название хутора не указано) (см.: Щеголев П.Е. Отец Гоголя // Исторический Вестник. – 1902. – № 2. – С. 657). Ср.: «По другому варианту, записанному сестрою поэта <О.В. Головной>, они <...> долгое время жили в нужде, пока не получили прощения родителей» (Чаговец В.А. Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива). С. 25); «...родители рассердились: ничего ей не дали, а где они жили и как – не спрашивали. Потом братья ее подарили ей Васильевку...» (Из семейной хроники Гоголей. С. 36). «По ведомости о населении Малороссии в 1780 г., состав-

ленной при разделении последний на три наместничества, в сотне Шишацкой, Миргородского полка показан "*Хутор Купчинский бунч<укового> товар<ища> Лизогуба*", а в нем 16 двор. с 16-ю хатами. Отсюда видно, что женин "посаг" Афанасий Г<оголь> получил гораздо позже женитьбы» (*Лазаревский А.М. Сведения о предках Гоголя. С. 12*).

20 июня 1825 г. Татьяна Семеновна, будучи владелицей Васильевки (стоимость которой составляла тогда 60 тысяч рублей), в присутствии Д.П. Трощинского, завещала своему шестнадцатилетнему внуку Н.В. Гоголю, «преимущественно» пред его сестрами – Марией, Анной, Елисаветой, Татьяной и Ольгой, половину всего имения и «сверх того новый дом, к нему принадлежащий сад и лес, называемый Яворивщина». Мать Гоголя по этому завещанию пожизненно назначалась «единственной и безотчетною» опекуницей над имением своих детей. 1 июля 1825 г. это завещание было заверено в Миргородском уездном суде (опубл.: *Чаговец В.А. Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива). С. 43–44*). 15 декабря 1827 г. Гоголь, в частности, писал матери из Нежина: «Продайте тот лес большой, который мне назначен. Деньгами, вырученными за него, можно не только сделать вспоможение мне, но и сестре моей Машиньке». В начале января 1828 г. он вновь обращался к матери: «Приспели гораздо большие трудности <...> Необходимо нуж<ные> пособия < > уразумению языков достать теперь <край письма оторван> Я просил <...> 60 рублей <...> Я умолял вас несчет<ное> число раз <...> <К чему со>хранять <...> <м>не такое имение <...> <Нужно ста>раться сбыть некоторые <...> <нену>жные земли и даже продать». Перед отъездом в Петербург Гоголь 8 сентября 1828 г. писал двоюродному дяде Петру Косяровскому: «...Приезжайте в Васильевку, будьте ангел-утешитель нашей матери. <...> Я с своей стороны <...> для обеспечения ее состояния отказываюсь от своего наследия и теперь занимаюсь составлением дарственной записи, по которой часть имения, принадлежащего по завещанию мне, с домом, садом, лесом и прудами, оставляется матери моей в вечное владение». В 1829 году Гоголь отказался от своей части имения в пользу матери, выслав ей 24 июля соответствующую доверенность, подписанную в Санкт-Петербургской палате гражданского суда (опубл.: *Щеголев П.Е. К биографии Н.В. Гоголя // Литературный Вестник. – 1902. – Т. 3. – Кн. 1. – С. 60*).

34. Г.П. Данилевский со слов М. И. Гоголь также записал: «Будучи еще пяти лет от роду, он <Гоголь> вздумал писать стихи. Никто не помнит, какого рода стихи писал он; но вот что осталось

в памяти его домашних. Известный литератор наш *Капнист*, заехав однажды к отцу молодого поэта, застал пятилетнего сына его за пером. Малютка Гоголь сидел за столом, глубокомысленно задумавшись над какою-то фразой. Капнисту удалось, просьбами, ласками и другими средствами, заставить нового литератора прочесть свое произведение. Гоголь отвел Капниста в другую комнату и там прочел ему свои стихи... Капнист никому не сказал о содержании этих стихов. Он вышел к домашним Гоголя глубоко тронутый, лаская и обнимая маленького писателя, и сказал: "Из него будет большой талант, дай ему только судьба в руководители учителя-христианина!" Над этими словами даровитого и проныцательного Капниста призадумается не один из биографов Гоголя» (*Данилевский Г.* Хуторок близ Диканьки // *Московские Ведомости*. – 1852. – 14 окт., № 124. – С. 1279).

24 февраля 1853 г. М.И. Гоголь писала С.П. Шевыреву: «Чрезвычайно неприятно удивила меня пропечатанная галиматья в газетах г-м Данилевским о детстве моего сына; он все смешал, я ему рассказывала, по его просьбе, то самое, что и Вам говорила... <...> ...До пяти лет он начал выписывать на столе мелом слова и слагать, так что мы не обратили на то никакого внимания; нам не приходило на мысль, что он делает, облокотясь, сидевши, на стол, но когда приехал к нам покойный Василий Васильевич Капнист, тогда было моему сыну 5 лет, и он сидел у стола, нагнувшись, и что-то ворсил уже на бумаге, какие-то каракульки. Он взял у него бумагу и увидел из этой нескладицы нечто похожее на рихму и сказал, как нужно его поручить отличному учителю» (впервые опубли.: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского // [5, 770]. Печатается по автографу: *РНБ*. Ф. 850. Ед. хр. 200. Л. 17).

П.А. Кулиш также возражал Г.П. Данилевскому: «...Нам не хочется верить и тому, чтоб Гоголь, пяти лет от роду, написал такие стихи, что известный литератор, Капнист, "глубоко тронутый", сказал будто бы: "Из него будет большой талант" и проч. Гоголь, на выходе из Гимназии Высших наук написал "Ганца Кюхельгартена", в котором видно совершенное отсутствие стихотворного таланта» (<*Кулиш П.А.*> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // *Отечественные Записки*. – 1853. – № 2 (ценз. разр. 25 янв.). – Отд. 7. – С. 117).

Несмотря на возражения М.И. Гоголь и П.А. Кулиша, замечание о сочинении пятилетним Гоголем стихов содержится и в публикуемом дневнике Шевырева. Повторяет Шевырев, со слов

М.И. Гоголь, и отзыв В.В. Капниста о Гоголе, слышанный ранее от Марии Ивановны Данилевским: «Из него будет большой талант, дай ему только судьба в руководители учителя-христианина!» Ср. в дневнике Шевырева: «Слово В.В. Капниста при чтении первых стихов Н.В. Гоголя, когда было ему еще пять лет: "Хорошо бы было, если бы он был отдан на воспитание на руки Христианину". – Слышано от матери» (этот фрагмент находится в дневнике Шевырева среди заключительных записей; см. в наст. изд.).

В свою очередь Данилевский при повторной публикации своей статьи, отвечая на критику Кулиша, к цитированному фрагменту о сочинении пятилетним Гоголем стихов сделал примечание: «Это нам сообщила М.И. Гоголь» (*Данилевский Г. Хуторок близ Диканьки. (Родина Н.В. Гоголя) // Русский Инвалид. – 1853. – 1 февр., № 26. – С. 104.*)

35. «Урок дочкам» (1807) – комедия И.А. Крылова.

36. По свидетельству дядьки Гоголя Семена (Симона) Стокозы, жившего при нем в Нежине, юный Николай всегда был готов отказаться от лакомств (до которых был «большой охотник»), чтобы помочь бедному. Как писала Мария Ивановна 23 ноября 1830 года к своему родственнику А.А. Трощинскому, старик Симон «по секрету» рассказывал ей, как деньги, присылаемые ею сыну к праздникам на конфеты, юный Гоголь часто, «когда не успеет еще купить и встретится ему бедный», раздавал нищим. «...Так и старается, – сообщал дядька, – как бы увильнуть от меня и отдать ему свои деньги, думая, что я не видал <...> Не давайте ему денег; пропадут ни за что» (<*Ореус И.И.*> Дмитрий Прокофьевич Трощинский. 1754-1829 // Русская Старина. – 1882. – № 6. – С. 676). Соученик Гоголя по Нежинской гимназии В.И. Любич-Романович также рассказывал: «Однажды ему даже случилось остаться в долгу у одной нищенки, которой ему нечего было подать в то время, когда он проходил мимо нее, и на ее слова "подайте Христа ради" ответил: "сочтите за мной...". И в следующий раз, когда та обратилась к нему с той же просьбой, как прежде, он подал ей вдвойне, добавив при этом: "тут и долг мой"... Вообще, Гоголь относился к бедности с большим вниманием и, когда встречался с нею, переживал тяжелые минуты...» (*Глебов С.И.* Гоголь в Нежинском лицее. (Из воспоминаний В.И. Любича-Романовича) // Лит. Вестник. – 1902. – № 2. – С. 556). О постоянном внимании Гоголя к нуждам бедных свидетельствует, в частности, и характерная заметка в его записной книжке 1842-1850 годов: «Наменять денег

для бедных». Запись эта говорит отнюдь не о скупости дающего, но, напротив, о постоянном внимании к нуждающимся. Это роднит Гоголя со многими христианскими подвижниками. Так, –заблаговременно разменивая деньги для раздачи бедным, – поступал, например, св. праведный Иоанн Кронштадтский. Имея в виду заповедь Апостола «помнить нищих» (Гал. 2, 10), Гоголь писал позднее в «Размышлениях о Божественной Литургии»: «...Задолжали мы Самому Творцу в лице братьев наших, Который ежедневно и ежеминутно в образе их протягивает нам руку Свою, надрывающим всю душу воплем умоляя о милости и милосердии».

37. А. С. Данилевский вспоминал о Гоголе: «В Нежине товарищи его любили, но называли: *таинственный карла*. Он относился к товарищам саркастически, любил посмеяться и давал прозвища» [15, 102]. Установлено, что «таинственный карла» – прозвище, которое носил Гоголь в Нежинской гимназии, происходит от названия одного из романов В. Скотта, получившего в первом русском переводе заглавие «Таинственный Карло» (М., 1824; в оригинале: «Черный карлик») (*Воронаев В.* «...Я совершу свой путь...» // Библиотекарь. – 1984. – № 4. – С. 49-50). Можно вполне определенно судить, что подразумевалось под этим прозвищем. Характер героя В. Скотта представляет собой причудливое сочетание напускной мизантропии и искренней, скрываемой под маской холодности любви к людям: «...Ни один лицемер не обладает таким искусством прикрывать благовидными причинами самые гнуснейшие поступки свои, как он умеет соглашать с правилами своего человеконенавидения действия, проистекающие из врожденного великодушия его и доброты сердечной» (Таинственный Карло. Повесть сира *Валтера Скотта*. – М., 1824. – Ч. 2. – С. 138). Эти черты прямо перекликаются с характеристикой, данной Гоголю матерью и друзьями. Мария Ивановна сразу после смерти сына писала о нем С.П. Шевыреву: «Сердце этого ангела было полно нежнейших чувств, которые он скрывал, не знаю почему, под угрюмой наружностью и никому не любил показывать их» (письмо от апреля 1852 года) [5, 763]. В записке о сыне 1852 года она повторяла: «Он имел самое чувствительное сердце и стремился как только мог скрыть эту нежность его души; желал показывать себе противоположным этому прекрасному чувству, и от того казался скрытным; он любил всеми силами души своих товарищей...» (см. в наст. изд.). Школьный приятель Гоголя В.И. Любич-Романович, в частности, вспоминал: «Вообще он, бывая в об-

ществе, ходил с опущенной головой и ни на кого не глядел. Это придавало ему вид человека, глубоко занятого чем-то, или сурового субъекта, пренебрегавшего всеми людьми. Но в общем он не был зол, напротив, его душа всегда была отзывчива к ближнему. Так, например, он никогда не мог пройти мимо нищего, чтобы не подать ему, что мог, если имел, и всегда говорил просившему у него подаяния "извините", когда нечего было вложить тому в руку» (Глебов С.И. Гоголь в Нежинском лицее. С. 556).

Образ не понятого окружающими, проникнутого любовью к людям «таинственного карлы» проглядывает и в письмах самого Гоголя 1820-х годов. 26 февраля 1827 года он писал матери из Нежина: «Вы одни только видели, что под видом иногда для других холодным, угрюмым тайлось кипучее желание веселости (разумеется, не буйной) и часто <...> когда другим казался я печальным <...> я разгадывал науку веселой, счастливой жизни...». (Под «наукой веселой, счастливой жизни», подразумевалось, вероятно, – в соответствии с традиционными представлениями, искусство побеждать свои страсти. Рассуждения на этот счет можно встретить в тогдашней как церковной, так и светской литературе. В частности, одна из неоднократно переиздававшихся на протяжении XVIII – начала XIX века книг, ставивших «истинное благополучие» в зависимость от «воздержания страстей», так и называлась: «Наука счастливым быть». Ср.: «Истинное благополучие не в великой силе и власти, ни в великом богатстве содержится, но от воздержания страстей <...> зависит...»; «Кто страсти свои воздерживать умеет, тот богаче всей Генуэзской республики» (Наука счастливым быть. Переведено с нем. на русский язык. С. Волчковым. – СПб., 1759. – С. 176-177, 180. – Гл. 19. «О науке счастливым быть».)

1 марта 1828 года Гоголь в другом письме к матери еще раз замечал: «...Я почитаюсь загадкой для всех, никто не разгадал меня совершенно <...> В одном месте я самый тихий, скромный, учтивый, в другом угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч. <...> Как угодно почитайте меня, но только с настоящего моего поприща вы узнаете настоящий мой характер, верьте только, что всегда чувства благородные наполняют меня <...> что я всю жизнь свою обрек блгу». В записке о сыне Мария Ивановна тоже свидетельствовала, как однажды «он сказал, что он не будет жить для себя, а для страждущих ближних, и если Бог удостоит быть полезным своему отечеству – Рос<с>ии, то почтет себя счастливым, но если вообразит,

что может быть его не допустят обстоятельства его, то чувствует, что холодный пот показывается на его лбу» (см. в наст. изд.). 3 октября 1827 года, сообщая дяде Петру П. Косяровскому о своей «неугасимой ревности сделать жизнь свою нужною для блага государства», Гоголь писал: «Недоверчивый ни к кому, скрытный, я никому не поверял своих тайных помышлений <...> Да и кому бы я поверил и для чего бы высказал себя, не для того ли, чтобы смеялись над моим сумасбродством, чтобы считали пылким мечтателем, пустым человеком? <...> Даже маминька, которая хотела узнать мой образ мыслей, еще не может сказать наверно, куда я хочу...».

В.И. Любич-Романович от лица гоголевских однокашников позднее свидетельствовал: «...Его внутренний мир для нас остался закрытым...» (*Глебов С.И.* Гоголь в Нежинском лицее. С. 555). Сам Гоголь, очевидно, настолько свыкся с ролью «таинственного карлы», что и позднее, будучи уже в Петербурге, продолжал во многом ее придерживаться. «...Кому нужда, кто пожелает знать мои тайные движения? – вопрошает, в частности, герой одной из ранних его статей, – <...> это <...> не то же ли, если бы кто вздумал стремительно ворваться в площадь, где чернь кипит и суетится, исполняя обычные свои требы, и вossылатъ, упавши на колени, жаркие молитвы к небу» («Борис Годунов. Поэма Пушкина», 1831). Много лет спустя, в письме к А.О. Смирновой от 28 декабря (н. ст.) 1844 г., Гоголь замечал о своей жизни в первой половине 1830-х гг. среди петербургских литераторов: «Никто из них меня не знал. По моим литературным разговорам всякий был уверен, что меня занимает одна только литература...».

38. Ср.: «...Выдали меня 14 лет за моего доброго мужа, в 7 верстах живущего от моих родителей. Ему указала меня Царица Небесная, во сне являясь ему. Он меня тогда увидел, не имеющую году <предположительно, в конце апреля – начале мая 1792 г.>, и узнал, когда нечаянно увидел меня в том же самом возрасте, и следил за мной во все возрасты моего детства» [12, т. 1, 17]; «Теперь я опишу вам сон моего мужа, которому я вдруг не поверила, полагая, что он хотел меня удивить, покуда не уверил меня он серьезно и побожился: когда он приезжал в каникулы домой, и в то время ездил со своей матушкой в Ахтырку, Харьковской губернии, на богомолье, там есть чудовный образ Божьей Матери, они были там в обедне, отправляли молебен, и остались там ночевать, и он видел во сне тот же храм. Он стоял в нем по левую сторону; вдруг царские врата открылись, и вышла Царица в порфире и ко-

роне и начала говорить к нему при других словах, которых он не помнил: “Ты будешь одержим многими болезнями (и точно, он страдал многими недугами и, наконец, лихорадкой, которая продолжалась у него 2 года. Никакие средства не помогали; один Трофимовский освободил его от нее), но то все пройдет”. – Царица Небесная сказала ему: “ты выздоровеешь, женишься, и вот твоя жена”. Выговоря эти слова, подняла вверх руку, и он увидел у Ее ног маленькое дитя, сидящее на полу, которого черты врезались в его памяти. Потом он приехал домой, рассеялся и забыл тот сон. Родители его, не имея тогда церкви, ездили в местечко Ярески при реке Псле. Там они имели 2 знакомых дома, Трощинских, братьев Д<митрия> П<рокофьевича>, в них оставались вдовы, одна тетка моя имела одного сына в Петерб<урге>, а другая имела дочь замужем за немцем *Шлихтином*. Мой муж любил его и проживал у него, познакомился и с теткой моей, и когда вынесла кормилица дитя 7 месяцев, он взглянув на него и остановился от удивления: ему представились те самые черты ребенка, которые показали ему во сне. Не сказавши о том никому, он начал следить за мной; когда я начала подростать, то он забавлял меня разными игрушками, даже не скучал, когда играла в куклы, строил домики с карт, и тетка моя не могла надивиться, как этот молодой человек не скучал заниматься с таким дитем по целым дням; я хорошо знала его и привыкла, часто видя, любить его; потом, спустя 13 лет <в 1804 г.>, он видел тот же сон в том же храме, но не царские ворота отворились, а боковые алтаря, и вышла девица в белом платье с блестящей короной на голове, красоты неописанной, и показав рукой в левую сторону, сказала: “вот твоя невеста”. Он оглянулся в ту сторону и увидел девочку в белом платьице, сидящую за работой пред маленьким столиком и имеющую те же черты лица. И после того скоро мы возвратились из Харькова, и муж мой просил родителей моих отдать меня за него» [22, 252].

39. В автографе ошибочно: за границею.

40. Имеется в виду публикация: *И.Б. Благодетельный врач в Малороссии. (Письмо к Издателю) // Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. (М.), 1803. – Ч. 12. – Ноябрь. – № 21 и 22. – С. 88-91.*

41. Автограф записки М.И. Гоголь-Яновской о сыне хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома: *ИРЛИ. Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 47. Гоголь-Яновская М.И. Автобиография (отрывок). 4 л. На четырех листах (двух двойных) большого формата. Частично*

использован П.А. Кулишом в «Записках о жизни Н.В. Гоголя...» (см. вступит. статью и примеч.). Полностью публикуется впервые.

42. Имеется в виду отдельный оттиск статьи П.А. Кулиша, вышедшей в апрельском номере журнала «Отечественные Записки» за 1852 г.: <Кулиш П. А.> Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя // Отечественные Записки. – 1852. – № 4. – Отд. 8. – С. 189-201.

43. *Далее ошибочно следует:* меня

44. Имеется в виду: неутешная мать

45. *Край листа утрачен.*

46. Фрагмент: «Сын мой Николай <...> отправить благодарственный молебен», – использован П.А. Кулишом в «Записках о жизни Н.В. Гоголя...»: «Он родился в 1809 году, 19 марта, в местечке Сорочинцах. Может быть, будущему биографу Гоголя полезно будет знать для каких-нибудь соображений, что мать Гоголя имела двоих детей до его рождения, но они являлись на свет мертвыми. Поэтому, в ожидании новых родов, она переехала в Сорочинцы, где жил знаменитый в то время малороссийский врач Трофимовский. Между прочим она дала обет, если родится у нее сын, наименовать его Николаем, в честь чудотворного образа, называвшегося Николаем Диканьским. Родители Гоголя просили священника села Диканьки молиться до тех пор, пока дадут ему знать о счастливом событии и попросят отслужить благодарственный молебен» [12, т. 1, 5]. Ранее в «Опыте биографии Н.В. Гоголя...» было: «По показанию матери поэта, он родился в 1810 году, 19 марта, в местечке Сорочинцах. Она еще при жизни сына говаривала, что он "прибавляет себе лета". Может быть, будущему биографу Гоголя полезно будет знать для каких-нибудь соображений, что мать Гоголя имела детей до его рождения, но ни один ее ребенок не жил более нескольких дней. Поэтому, в ожидании новых родов, она переехала в Сорочинцы, где жил знаменитый в то время малороссийский врач Трофимовский. Между прочим она дала обет, если родится у нее сын, наименовать его Николаем, в честь чудотворного образа, называвшегося Николаем Диканьским. Эти подробности сообщил мне М. А. Максимович, близко знакомый с семейством поэта» [14, 4].

47. *В автографе ошибочно:* мою

48. Фрагмент: «...семи лет поручили его учителю семинаристу <...> а Николай остался 10-ти лет», – использован П.А. Кулишом в «Записках о жизни Н.В. Гоголя...» (см.: [12, т. 1, 16]).

49. *Так в автографе.*

50. *В автографе ошибочно:* монотомная

51. Фрагмент: «...не будет жить для себя <...> холодный пот показывается на его лбу», – цитируется П.А. Кулишом в «Записках о жизни Н.В. Гоголя...» (см.: [12, т. 1, 338]).

52. Биографы Гоголя, бывавшие в его родовом имении Васильевке, неоднократно отмечали, что быт семьи Гоголей и природа родного края писателя во многом могут служить «комментарием» к его повестям «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода». Вспоминая о повести «Старосветские помещики», младший современник Гоголя Г.П. Данилевский, посетивший Васильевку в 1852 году, писал П.А. Плетневу: «Меня увлекал каждый кустик старинного сада Гоголей <...> я слушал, как, отворяясь и затворяясь, поют воспетые им двери; я видел на стенах воспетые и осмеянные им картины...» [8, 186].

П.А. Кулиш, знакомый на протяжении нескольких лет с матерью Гоголя и одно время даже живший в Васильевке, позднее в письме к Н.А. Белозерской 1886 года указывал: «Изображая свою незабвенную Пульхерию Ивановну, Гоголь маскировал дорогую личность матери <...> Сквозь милые черты его Бавкиды проглядывает пленительный образ великой в своей неизвестности женщины...» (*Белозерская Н.А. Мария Ивановна Гоголь // Русская Старина. – 1887. – № 3. – С. 708*). Для характеристики личности Марии Ивановны Кулиш даже использовал цитату из «Старосветских помещиков»: «Пульхерия Ивановна была несколько серьезна, почти никогда не смеялась (такою знал я и Марью Ивановну); но на лице и в глазах ее было написано столько доброты, столько готовности угостить вас всем, что было у них лучшего, что вы, верно, нашли бы улыбку уже чересчур приторною для ее доброго лица» (Там же. С. 708).

О том, что прообразом героини «Старосветских помещиков» послужила Гоголю его мать, дважды сообщается и в известных «Записках А.О. Смирновой» (<*Смирнова О. Н.*> Записки А.О. Смирновой. – СПб., 1895. – Т. 1-2. Это псевдо-дневник А.О. Смирновой, изданный дочерью мемуаристки Ольгой Николаевной Смирновой и во многом написанный ею, а не самой Александрой Осиповной. Тем не менее многочисленные факты свидетельствуют, что в основе этих «Записок...», несомненно, лежат какие-то недошедшие до нас подлинники материалов А.О. Смирновой, использованные Ольгой Николаевной. Сама О.Н. Смирнова за пять лет до публикации «Записок...», поясняя одно из писем Александры Осиповны, признавалась: «Все

эти подробности из записной книги моей матери, и она мне многое говорила, и я записывала с ее слов очень интересные подробности»; *Шенрок В.И.* А.О. Смирнова и Н.В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844-1851 гг. // Русская Старина. – 1888. – № 7. – С. 53-54.) При серьезной критической проверке с привлечением других источников сведения, сообщаемые в «Записках А. О. Смирновой», должны быть приняты во внимание.

При чтении «Миргорода», писала А.О. Смирнова, Гоголь сказал П.А. Плетневу, что «думал о своей матери, когда описывал Пульхерию Ивановну» (<Смирнова О.Н.> Записки А.О. Смирновой. – СПб., 1895. – Т. 1. – С. 51). «Он мне также сказал, – добавляла мемуаристка, – что, работая над "Старосветскими помещиками", он думал о своей матери» (Там же. – Т. 1. – С. 314).

Даже черты «предприимчивого приказчика» в «Старосветских помещиках» были, по-видимому, «списаны» Гоголем с приказчика в имении матери. 13 ноября 1826 года Мария Ивановна, в частности, сообщала своему двоюродному брату Петру П. Косяровскому: «...5 дней как приехала в мирное убежище мое, где нашла в отсутствие мое все хозяйство свое совершенно рас<с>троенным, приказчик начал плутовать и безбожно красть, так что теперь мне нельзя иметь ни дня, ни ночи покою, покуда хотя немного приведу в порядок экономические дела» (*РНБ*. Ф. 199. Ед. хр. 15. Л. 8).

Некоторые «старосветские» черты исследователи усматривали и в отце Гоголя, Василии Афанасьевиче (*Щеголев П.Е.* Отец Гоголя. С. 655–666). Среди других возможных прототипов указывали миргородских «старичка и старушку» Бровковых (Воспоминания *С.В. Скалон* (урожденной Капнист) // Исторический Вестник. – 1891. – № 5. – С. 355-356), деда и бабушку писателя Афанасия Демьяновича и Татьяну Семеновну Гоголь-Яновских (на них указывает сама Мария Ивановна), семейство соседей по имени старичков Зарудных (*Шенрок В.И.* Материалы для биографии Гоголя. – М., 1893. – Т. 2. – С. 141; *Чаговец В.А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива). С. 5-6).

В.А. Чаговец свидетельствовал: «Одна помещица, г<-жа> Д., рассказывала мне, как еще будучи институткой, она убежала из гостиной, где находился Гоголь. На вопрос гостей, почему она это сделала, она отвечала по-малорусски: "От ище, щоб и мене впысав, як своих бабушку и дедушку Афанасия Демьяновича! Бог с ним!"» (*Чаговец В.* На родине Гоголя. (Литературные воспоминания). Васильевка (Яновщина) // Киевская Газета. – 1901. – 23 сент., № 263. – С. 4).

Очевидно, что именно семья Гоголей, принадлежавшая, подобно героям повести, к «старинным и коренным» малороссийским фамилиям, была прежде всего, сравнительно с другими, самой «старосветской» в родных местах писателя. Об этом свидетельствуют строки письма самого Гоголя к матери от 17 ноября 1831 года: «Жаль, что у нас нет соседей каких-нибудь старосветских людей <...> Нас, как нарочно, сколько мне помнится, окружают модники и люди нынешнего света <...> и нам, старым людям, т. е. мне и вам, маминька, не с кем и слово завести о старине». (Кстати, соответствующую статью, посвященную этой теме, предполагал опубликовать в 1934 году С.Н. Дурылин: «Письма к Аксаковым сестер Гоголя появятся в моей работе: "Старосветские помещики – М.И. Гоголь, ее сын и ее дочери"»; *Дурылин С.* Гоголь и Аксаковы. С тремя неизданными записками Гоголя // Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. – М.; Л., 1934. – Т. 3-4. – С. 325).

Примечательно, что и М.П. Погодину, первому из московских и петербургских друзей Гоголя посетившему летом 1842 года Васильевку, также сразу вспомнился быт «Старосветских помещиков». Об этом свидетельствуют строки его статьи «Путешествие за границу» (1842), посвященные встрече с хозяйкой имения: «[Здесь я ночевал] Никак нельзя было отказаться от ночеванья. Нечего было и думать. А на другой день должно было непременно обедать. <...> Мы осмотрели весь дом, сад на берегу пруда <...>, гумно, кладовые, погреба с наливками, вареньями, сырами и прочими произведениями малороссийской природы; потом крестьянские хаты, сходили в церковь, покатались по пруду, наконец пообедали – борщ, вареники [и проч. и проч.], сыр жареный, глечаный (от особого способа творожить), пироги с вишнями и варенья. Все блюда и чашки верхом. Разумеется, одно кушанье надо было запивать терновкою, другое сливянкою, третье смородиновкою. Каждое кушанье имело свою историю со множеством случаев, происходивших при его употреблении» (цит. по черновому автографу: *РГБ.* Ф. 231. Разд. I. К. 41. Ед. хр. 5а. Л. 5 об.; опубл.: *Поездка пр<офессора> Погодина за границу в 1842 году // Москвитянин.* – 1844. – № 1 (ценз. разр. 28 дек.). – С. 159; см. также: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. В 22 кн. – СПб., 1888-1910. – СПб., 1893. – Кн. 7. – С. 6.). В записной книжке Погодина 1842 года, использованной при написании цитируемой статьи, также читаем: «Обобедали. Чего не было: бублики с маком, сыр жареный, варенье, сыр глечаный, от особого способа творо-

жить, пироги с вишнями» (*РГБ*. Ф. 231. Разд. I. К. 39. Ед. хр. 4. Л. 18 об.). По возвращении Погодина в Москву в ноябре 1842 года Мария Ивановна писала ему: «Надеюсь, что здоровье ваше поправилось... <...> Как мне жаль, что полынная водка, удостоившаяся вам понравиться, не досталась вам, как бы я рада была наделать ее побольше и когда бы можно оставить к вам» (*Барсуков Н.П. Жизнь и гробы М.П. Погодина*. Кн. 7. С. 62).

Напомним черты гостеприимства Пульхерии Ивановны: «Гость <...> должен был непременно переночевать. <...> "Вот это, – говорила она, снимая пробку с графина, – водка, настоящая на деревий и шалфей. Если у кого болят лопатки или поясница, то очень помогает. Вот это на золототысячник: если в ушах звенит и по лицу лишаи делаются, то очень помогает. А вот эта – перегнанная на персиковые косточки... <...> Если как-нибудь, вставая с кровати, ударится кто об угол шкапа или стола и набезит на лбу гугля, то стоит только одну рюмочку выпить перед обедом – и все как рукой снимет..." <...>. После этого такой перечень следовал и другим графинам, всегда почти имевшим какие-нибудь целебные свойства».

«Сродни» Пульхерии Ивановне «Старосветских помещиков» и радушная матушка из повести Гоголя «Иван Федорович Шпонька...», также накрывающая для своих гостей стол с многочисленными закусками и водкой различных способов приготовления. На мысль о «родстве» этой героини с Пульхерией Ивановной наводит, помимо прочего, упоминание о «кошке, трусливо пробегавшей под стульями»: «кошечка» Пульхерии Ивановны (которую она, «нельзя сказать, чтобы <...> слишком любила») сыграла немаловажную роль в судьбе героини. Другие персонажи «Ивана Федоровича Шпоньки...» – две сестрицы и брат, преследующий мух хлопущкой, – также могут быть соотнесены с «родовым» окружением Гоголя. Как вспоминала А. О. Смирнова, «у Гоголя точно была тетка и двоюродный брат, который бил мух хлопущками» (*Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания*. С. 71).

В.А. Чаговец, комментируя в 1909 году воспоминания сестры Гоголя О.В. Гоголь (в замужестве Головни), также отмечал: «...В чертах жизни всей семьи Гоголей, как она рисуется в изложении О<льги> В<асильевны>, многое напрашивается на любопытные сравнения, начиная от "Старосветск<их> помещиков" и кончая "Мертвыми душами"» (*Чаговец В.А. Примечания // Из семейной хроники Гоголей*. С. 65). Он же указывал на хранившийся в Ва-

сильевке в «заветном сундуке» «домашний "домострой", составленный дедушками и бабушками и восполненный отцом Гоголя», – «огромную тетрадь с синими листами, исписанными всякими верными и надежными средствами... <...> Как будто бы из советов Пульхерии Ивановны...» (Там же. С. 71). «...Что всего интереснее, там встречаются те же названия (как перегонять водку на персиковые листья, на черемуховый цвет, на золототысячник, на вишневые косточки), что и в повести Гоголя; точно также и лекарственные настойки на шалфее (от боли в лопатках), на золототысячнике (от звона в ушах и от лишая), или различные соленья и способы их приготовления, упоминаемые в повести, с тою же наивною методичностью помещены в этом Гоголевском "Домострое". – Скажем даже, что опасения Аф<анасия> Ив<ановича> насчет разбойников ("Конечно, говорил Аф<анасий> Ив<анович>, неровно всякого случая: нападут разбойники или другой недобрый человек") – имеют свое фактическое основание в целом ряде случаев нападений, засвидетельствованных делами, хранящимися в том же сундуке» (*Чаговец В.А. Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива). С. 6).*

Упомянутый В.А. Чаговцом «домашний "домострой"» семьи Гоголей сохранился (*ОПИ ГИМ. Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 106-128*). На двух листах большого формата белого цвета (л. 106-107) записано: «Способ чистить всякую деревянную посуду», «Как тушить пламя, выкинутое из трубы» («Смотря по устройству и ширине трубы, надобно пожертвовать: гусем, уткой или курицей, которую с верхнего отверстия трубы бросают вниз. Птица, падая вниз, старается удержаться и крыльями будет сбивать горящую сажу; этим утушается пожар»), «Лекарство от опухоли горла», «Лекарство от головной боли». Эти советы подписаны: «Из Журнала Общепольных Сведений». Далее следуют: «Способ сохранять стеклянную и хрустальную посуду от горячей воды», «Дешевая замазка для зимних окон», «Верное средство от мокротного кашля», «Лекарство от укушения змеи», «От расстроенного желудка», «Средство от обжога».

Тетрадь из синих листов большого формата (с отдельными вложенными листами белого цвета; л. 109-125) содержит: «Замечания, касающиеся до хлебопашества», «Способ солить огурцы», «Способ делать столярный лак и наводить оным столярную работу», «Записка, как делать Гол<л>андский или Махновский сыр», «Способ унимать жесточайшую рвоту», «Способ уваривать дрожжу хмельную», «Записка, как кормить крапевою коров, по примеру, существующему у госпожи Мадноской», «Записка о содержании, корме и лече-

нии от разных болезней овец, по методе таганского главного Смотрителя Овцеводства Г. Протоиерея Иоанна Кешаревского», «Еще о овцах», «О закармливании овец на зиму», «Еще средство для избавления овец от оспы», «Лекарства для свиней», «Кровочистительный дикохт», «Общие диететические и медико-полицейские меры против эпидемической болезни», «Состав курительный против заразы, изобретенный химиком во Франции Гитоном Марво», «Записка, как делать и пить в мае месяце из трав соки», «Рецепты» (четыре рецепта на латинском языке: «прохладительный порошок», «слабительный порошок», «желудочные капли», «потовый порошок»), «Испытанные лекарства для людей» – «От порухи».

На двух белых листах почтовой бумаги (л. 127-128) имеются также советы «Как делать зеленый цвет» (для пряжи), «Пунцовой и розовой цвет» и рецепт лекарства для домашнего скота.

Кроме того, среди этих материалов хранится рукописная «Книга экономии человеческой жизни» (л. 82-103). На первом листе книги написано: «ОГЛАВЛЕНИЕ КНИГИ СЕЯ ЭКОНОМИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЯ ЖИЗНИ». Далее следует оглавление, в конце которого сообщается: «ЭКОНОМИЯ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ, переведенная с индейского манускрипта, сочиненного одним древним Брамином. В начале приложено Англинского дворянина, жившего в Китае, письмо Графу Де..., в котором объясняется, каким образом оный манускрипт найден. Переведено с Англинского языка на французской 1751, а с оного на российской 1759 году. Его высокопревосходительству Ивану Анофриевичу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА тайному советнику, Действительному Камергеру и ордина святыя Анны Кавалеру» (л. 83 об.). На л. 84 – посвящение переводчика Дмитрия Боборикина. Книга состоит из шести частей. Часть первая «О должностях человека во особенности» содержит главы: «Рассуждение», «Смиренномудрие», «Прилежание», «Поревнование», «Благорассудство», «Верность», «Удовольствие», «Воздержность». Часть вторая «О страстях» состоит из глав: «Радость и печаль», «Гнев», «Сожаление», «Желание и любовь». В третьей части «О должностях общества» главы: «Благоволение», «Правосудие», «Щедролюбие», «Благодарность», «Искренность или чистосердечие». Четвертая часть «О Провидении или разных приключеннях человеческих» заключает в себе главы: «Мудрые и невежи», «Богатые и убогие», «Вельможи и рабы», «Государы и подданные». Пятая часть «О ближних и кровных сродниках» включает в себе главы: «Муж», «Жена», «Отец»,

«Сын», «Братья». Шестая часть – «О религии» – вся состоит из одноименной главы.

53. В источнике: секунд маера

54. В автографе: обязанностей

55. Трушковский Николай Павлович (1833-1862), сын П.О. и М.В. Трушковских, племянник Гоголя, редактор его первого посмертного собрания сочинений. Перу Н.П. Трушковского принадлежит статья «Диканька», напечатанная спустя три недели после смерти Н.В. Гоголя в журнале М.П. Погодина «Москвитянин», в разделе «Современные известия»: <Трушковский Н.П.> *Н. Тру.....ий*. Диканька. (Из путевых записок) // Москвитянин. – 1852. – № 6 (ценз. разр. 15 марта). – Отд. VII. – С. 67-74 (авторство указано: Железняк С. <Пономарев С.И.> Русский календарь на 1881 г. А. Суворина. – СПб., 1881. – <Отд. 2>. – С. 289). М.И. Гоголь в конце апреля 1852 г. писала С. П. Шевыреву: «Вот еще много обещает внук мой... <...> В "Москвитянине" прочла несколько отрывков его из путешествия, в том числе и о Диканьке. Видно, влечет его призвание к литературе...» (*РНБ*. Ф. 850. Ед. хр. 200. Л. 48-48 об.). В статье Н.П. Трушковский, в частности, указывал, что «главной примечательностью» Диканьки была чудотворная икона Святителя Николая, называемого Диканьским; сюда стекались богомольцы не только из окрестных деревень, но и из Великороссии, «нередко даже обитатели отдаленной Сибири» (<Трушковский Н.П.> *Тр.....ий Н.* Диканька. С. 67).

56. Имеется в виду «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

57. Подразумевается эпизод девятой главы первого тома «Мертвых душ».

58. В автографе: проснувшемуся

59. В автографе: с Франсией

60. В автографе ошибочно: посылая

61. В автографе ошибочно: чаще

62. Статья осталась неопубликованной. В письме к матери от 2 апреля 1830 года из Петербурга Гоголь сообщал: «Выручил за статью, переведенную с французского: О торговле русских в конце XVI и начале XVII века, для Северного Архива – 20 р<ублей>».

63. См. примеч. 1.

64. Далее ошибочно написано еще раз: можно. На этом рукопись заканчивается. Внизу листа остался небольшой пробел (приблизительно в три-четыре строки).